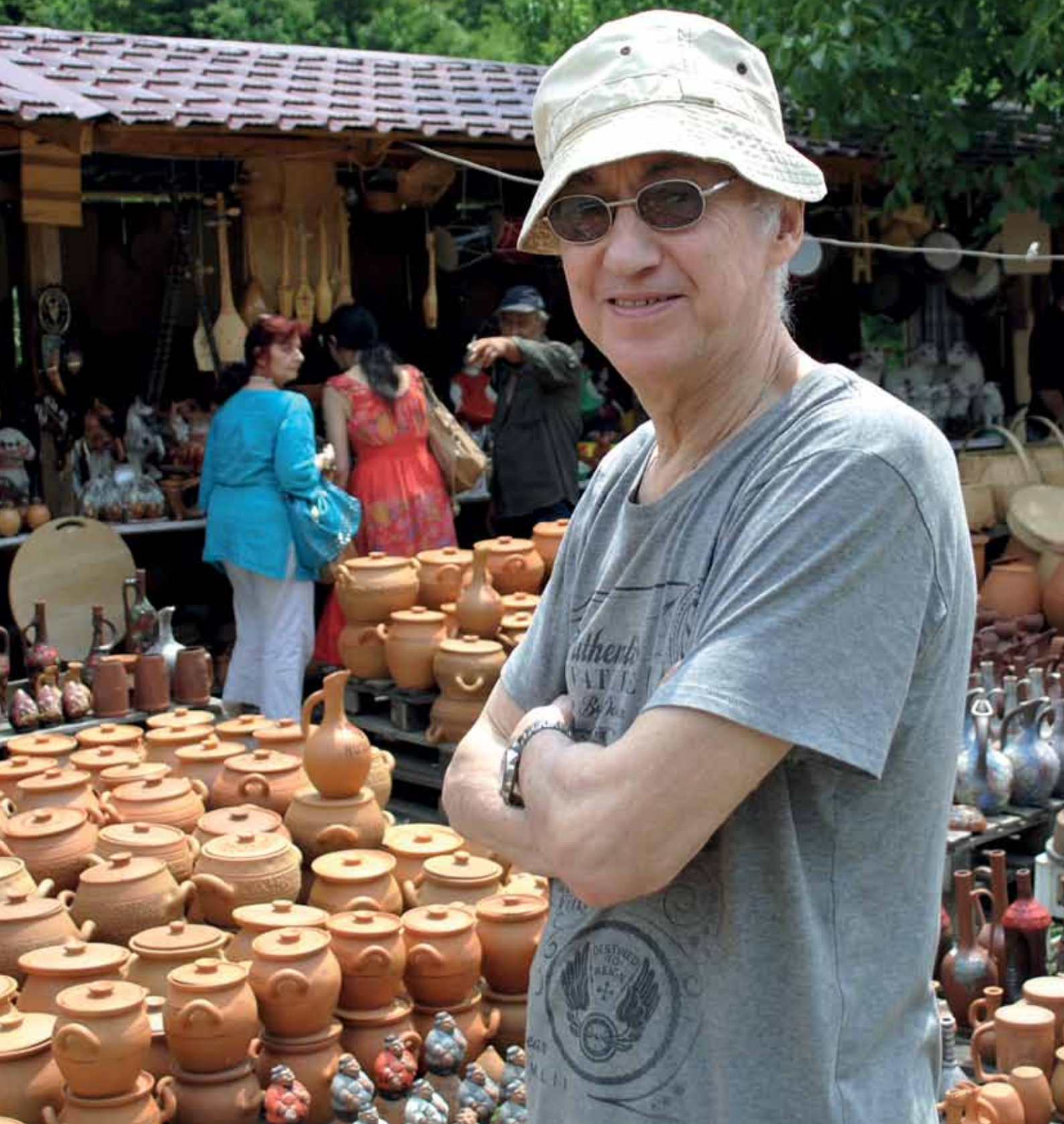

№10
Октябрь 2013

Т УССКИЙ КЛУБ

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

Мир без преград

8 (800) 200-77-99

звонок по России бесплатный

www.vtb.ru

ОАО Банк ВТБ. Генеральная лицензия Банка России № 1000

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Арсен ЕРЕМЯН

Редакционная коллегия:
Вера ЦЕРЕТЕЛИ
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Донара КАНДЕЛАКИ
Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ
Владимир ГОЛОВИН

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Допечатная подготовка
Алена ДЕНЯГА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
Зураб АБАШИДЗЕ
Важа АЗАРАШВИЛИ
Нани БРЕГВАДЗЕ
Гуджа БУБУТЕИШВИЛИ
Гоги КАВТАРАДЗЕ
Роин МЕТРЕВЕЛИ
Ирма СОХАДЗЕ
Гулбат ТОРАДЗЕ
Джансуг ЧАРКВИАНИ

Армения
Михаил БАГДАСАРОВ

Белоруссия
Валентина ПОЛИКАНИНА

Великобритания
князь Никита ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Венгрия
Олег ВОЛОВИК

Израиль
Давид МАРКИШ

Россия
Михаил НОСОВ
Евгений ТАБАЧНИКОВ
Александр ЭБАНОИДЗЕ

США
Алексей ЦВЕТКОВ

Франция
граф Петр ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

РУССКИЙ КЛУБ

№10⁽⁹⁶⁾
Октябрь 2013

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 ОСТАЛАСЬ ГРУЗИЯ В СЕРДЦЕ...
СЛОВО – УЧАСТНИКАМ ФЕСТИВАЛЯ
- 8 ПОДЛИННАЯ ДАнь ПАМЯТИ
ВИКТОРИЯ СИРАДЗЕ
- 10 ПОЭЗИЯ АЛТАРНОГО ПРОСТРАНСТВА
ВЛАДИМИР САРИШВИЛИ
- 14 СПОСОБ ГАРМОНИЗАЦИИ МИРА
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 18 ПОБЕДА ЛЮБИТ ЗАБОТУ
НИНО ЦИТЛАНАДЗЕ
- 21 ТЕАТР КАК ЧАСТЬ СТРАНЫ
НИНО ДЖАВАХЕЛИ
- 22 МАГИЧЕСКИЙ РЕАЛИСТ
ИРИНА ВЛАДИСЛАВСКАЯ
- 26 РЫЦАРИ ОВАЛЬНОГО МЯЧА
АРСЕН ЕРЕМЯН
- 30 «Я ТРОГАЮ СТАРЫЕ СТЕНЫ...»
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 36 ХУДОЖНИК ПОКОРЯЕТ ВРЕМЯ
ЭМЗАР КВИТАИШВИЛИ
- 39 ПУТЬ ПОИСКА И ДОСТИЖЕНИЙ
ГЕНРИЕТТА ЮСТИНСКАЯ
- 44 ИСПОЛНЕНИЕ БЫЛО БЛИСТАТЕЛЬНЫМ
МАРИЯ КИРАКОСОВА
- 47 СТИХОТВОРЕНИЯ
АЛЕКСАНДР ГАЛИЧ
- 48 ОКТЯБРЬ УЖ НАСТУПИЛ
АЛЕНА ДЕНЯГА
- 50 ДЫР БУЛ ЩЫЛ НА ПОРОГЕ
ИРИНА ЕМЕЛЬЯНОВА
- 53 В МИРЕ ДУХОВНОЙ МУЗЫКИ
НИНО ЦИТЛАНАДЗЕ

На обложке – Олег Чухонцев
Фото Андрея Коровина

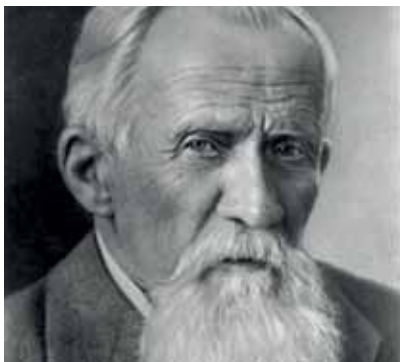

ОТ ДО

АВТОР «ЗЕМЛИ АННИКОВА»

10 октября в Российской Академии наук торжественно отметили юбилей – 150 лет со дня рождения выдающегося русского геолога академика Владимира Обручева.

Для многих из нас его имя крепко связано с одним из районов Москвы около Ботанического сада – там есть улица Обручева. Но такова уж судьба многих выдающихся ученых – простые жители нечасто вспоминают их достижения. И частенько они остаются малознакомыми именами на картах городов. Но что касается Владимира Афанасьевича, то тут совсем другая картина – стоит только упомянуть название его популярного фантастического романа «Земля Санникова», как все сразу же вспоминают школьное детство, когда мы взахлеб читали книжки Жюль Верна и Беляева. А еще Майн Рида, Фенимора Купера, Луи Буссенара и, конечно же, Обручева. К тому же многие видели фильм, снятый в семидесятые, где отважный и бесшабашный герой Олега Даля голосом Олега Онофриева пел песенку про «миг между прошлым и будущим»... Между прочим, серьезный академик и легендарный путешественник Владимир Афанасьевич Обручев, проведший всю свою долгую жизнь в далеких экспедициях и исходивший пешком тысячи километров непроходимой тайги и не нанесенных на карту горных ущелий, очень стеснялся своей литературной славы, считая ее делом легкомыс-

ленным и несерьезным. Он рассказывал, что писательский труд был ему развлечением долгими темными вечерами в заброшенных геологических палатках. Писал-то академик Обручев в основном для умных и романтичных мальчиков, чтобы привить им любовь к наукам и путешествиям. И действительно, скольких из будущих геологов вдохновил на выбор этой профессии талант великопленного рассказчика. Но, как говорили мудрецы: талантливый человек – талантлив во многом.

А ФАСАД-ТО АСИММЕТРИЧНЫЙ!

Наш герой в Советском Союзе был человеком выдающимся. Судите сами – знаменитейший и заслуженный зодчий, кому в 1930 году одному из первых было присвоено звание заслуженного архитектора СССР. А в 1943 году он стал действительным членом Академии наук СССР и в разные годы был четырежды лауреатом престижной Сталинской премии. А, между прочим, был Алексей Викторович Щусев совсем не из пролетариев, а совсем наоборот – из дворян. Что и говорить, происхождение его в советские времена считалось безнадежно неподходящим. И академиком архитектуры он стал еще при царизме, в 1910 году. Да и прославился он не только комплексом зданий Казанского вокзала – церковей и крупных соборов тоже спроектировал немало. Как же смирились большевики с таким «путчиком»? Да просто он был, как и они, самым настоящим революционером, только в области зодчества. И каждую свою постройку заявлял, как творческий манифест. Неудивительно, что после Октябрьской революции он стал одним из самых востребованных архитекторов и даже автором проекта «Новой Москвы», который, к сожалению, не только не реализовался, но был резко раскритикован в 1924-1925 годах руководством Москвы. Только строительство мавзолея Ленина позволило Щусеву избежать репрессий. К тому же он по справедливости считался настоящим профессионалом. Мастерски владел не только приемами классической

архитектуры и модерна, но и наисовременнейшим для тех лет стилем московского конструктивизма. Конечно, строил Алексей Викторович не только в Москве и Ленинграде, но и в других городах – здание филиала Института марксизма-ленинизма в Тбилиси, гостиницу «Интурист» в Батуми, советское посольство в Бухаресте, театр оперы и балета в Ташкенте и много еще где. А самым заметным его произведением, которое бросается в глаза любому приезжему, стала, конечно же, гостиница «Москва» у самых стен Кремля. Сейчас ее заново отстроили. Но воссоздав первоначальный облик этой знаменитой гостиницы, современные строители скрупулезно повторили ее асимметричный фасад – одну из загадок творчества Щусева. Если смотреть со стороны Манежа, то с одной стороны декор гостиницы победнее, а с другой побогаче. Существует городская легенда, рассказывающая, что когда проект фасада попал на утверждение Сталину, то там было оба варианта на одном листе. А Иосиф Виссарионович не разобрался и подписался посередине. Переспрашивать грозного вождя не рискнули – так и построили... Но это, конечно, миф – дело в том, что Щусева не сразу подключили к работе, которую до этого уже начали два молодых архитектора. И ему пришлось включать уже построенное ими в общий ансамбль.

ДВА ВЕКА С МУЗЫКОЙ ВЕРДИ

Двести лет назад 10 октября 1813 года родился великий Джузеппе Верди. Он прожил долгую жизнь – родился в наполеоновские времена, а умер уже в двадцатом веке, когда в богатых домах были электричество, газ и даже телефон. Он был успешен в творчестве, хотя в ранние годы знал нужду и даже жил впроголодь, о чем обязательно норовят рассказать современные киношники, снимающие фильмы о его жизни. Музыкальный талант Джузеппе проявился с самого детства, и многим, даже его близким, невзирая на то, что «не бывает пророка в своем отечестве», было ясно, что растет гений. Его отец – деревенский трактирщик подарил ему старинный неуклюжий спинет – одну из разновидностей устаревших к тому времени клавесинов. И наш герой трогательно хранил этот ин-

струмент всю жизнь, часто сочиняя именно на нем многие фрагменты из своих 26 опер. Он не получил систематического музыкального образования. Его даже не приняли в Миланскую консерваторию «из-за низкого уровня фортепианной игры». И Верди вынужден был много работать, чтобы брать частные уроки контрапункта. Получалось не всегда, но не сочинять музыку он уже не мог. А дальше, как в сказке про Золушку – труд-труд-труд и потом внезапное и безоговорочное признание на всю жизнь. Он стал выдающимся театральным композитором. Его музыке, наряду с творениями Моцарта и Чайковского, исполняют чаще всего в мире. Его феноменальная популярность не может не изумлять – представьте себе шестьдесят пять лет творческого подъема, практически без спадов. Даже когда в 38 лет Верди, решив последовать примеру Россини, оставил сочинительство, он не удержался, чтобы для развлечения писать «в стол». В результате, мировая музыкальная культура обогатилась целым рядом шедевров – «Риголетто», «Травиата», «Трубадур», «Сицилийская вечерня», «Бал-маскарад», вторая редакция «Макбета» и другие. Все они, естественно, вскоре были поставлены на бесчисленных мировых сценах и имели потрясающий успех. И имеют по сей день. Музыкальные критики очень пристально изучали его творчество, отыскивая слабые места, и выяснили, что для музыки Верди главными были драматургия, то есть рассказанная история, и актерское мастерство исполнителей вокальных арий, чтобы передавать тончайшие нюансы душевных переживаний. А оркестровая музыка играла как бы вторую роль. Сам маэстро шутил: «Оркестр – это большая гитара». И наделял его только аккомпаниаторскими функциями. Но от этого его музыка не становилась хуже! За что бы Верди не брался – получалось прекрасно. Он был наделен природным чувством гармонии. Даже когда его попросили написать оперу «на заказ» по случаю открытия Суэцкого канала – родилась жемчужина мирового оперного искусства «Аида».

ВСПОМИНАЯ АВТОРА ГЕНИАЛЬНОЙ «ТРОИЦЫ»

Очень мало имен из древности донесла до нас река бурная российской истории. Мы неплохо знаем историю царей, княжеских и влиятельных боярских родов. Но когда дело касается отдельных незнатных, пусть и выдающихся людей – то только обрывочные данные могут помочь историкам рассеять сумрак прошедших времен.

О великом русском живописце Андрее Рублеве тоже известно очень мало. Даже его имя. Так как он был монахом и принял постриг с именем Андрей, то его мирское имя тоже скорее всего начиналось на «А». И похоже, что корень фамилии «рубель» – так назывался инструмент скорняка – указывает на его ремесленное происхождение. Мы также доподлинно не знаем, когда и где он родился. Не можем с точностью сказать даже какие именно иконы он написал и сколько храмов расписывал. Пока же искусствоведы согласились с тем, что только знаменитая «Троица», а также фрески и по несколько икон во владимирском Успенском соборе и Благовещенском соборе московского Кремля неоспоримо принадлежат его кисти. И еще мы знаем точно, где он обрел последний покой. Причисленный к лику святых Русской Православной Церковью в конце двадцатого века великий иконописец Андрей Рублев скончался от морового поветрия 14 октября 1428 года в московском Андрониковском монастыре примерно в те же дни, что и его многолетний сподвижник Даниил Черный. Об этом сохранились записи в монастырской книге. Как и упоминание, где именно они с почетом были похоронены. И так как дата его смерти – это все, что нам точно известно из его жизни, то поминаем мы его именно в этот день.

Но после того, как двадцать лет назад при раскопках в алтаре Спасского собора было обнаружено совместное захоронение двух монахов, одного из которых судмедэксперты с большой долей вероятности идентифицировали как иконописца Андрея Рублева, мы можем представить себе, как он выглядел. Вот реконструкция его внешности в возрасте примерно пятидесяти лет, сделанная по методу М.М. Герасимова главным специалистом Бюро судебно-медицинской экспертизы Департамента здравоохранения Москвы Сергеем Никитиным.

«Я И САМ ПРИДУ!»

Александр Аркадьевич Галич, которому в октябре исполнилось бы 95 лет, сначала не был никаким борцом с режимом. Он был импозантным, холемым, остроумным и прекрасно воспитанным московским интеллектуалом, который в пятидесятые прославился своими киносценариями. А сочиненную им песенку из фильма «Верные друзья» распевала вся страна. Он прекрасно одевался, посещал дорогие рестораны и был настоящим светским львом, благо за его труды неплохо платили. И даже его первые ироничные песенки про «Леночку» и «Красный

треугольник» были, скорее, средни обычным анекдотам, которые любила травить во время кухонных посиделок советская интеллигенция... Но была в них какая-то особая непростая интонация, которую сразу же заметили, но не сразу поняли как слушатели, так и сам автор. А потом песенки становились все серьезнее и серьезнее, и темы становились все крамольнее и крамольнее. И выяснилось, что это вовсе не злословие на советскую власть, а то, что случается с настоящими честными людьми – неумолчная совесть. И не стало сценариев, щедрых гонимых, ресторанов и дорогих тряпок. Галича не печатали, запретили публичные выступления. Спасали только «домашники» – песенные нелегальные концерты по квартирам за очень скромное вознаграждение. А потом его и вовсе вынудили покинуть родину. За границей он не пропал, обосновался в Париже, занимался радиожурналистикой, писал песни. А в СССР его проклинали на все лады во всех печатных СМИ. Но с какой страстью его поносили власти, с такой же страстью слушали на магнитофонных кассетах простые люди его гневные и трагические поэтические монологи под гитару. А потом он погиб от несчастного случая. И сразу же поползли слухи о «длинных руках» коварного КГБ. Но его друзья Владимир Максимов, Василий Бетак и Михаил Шемакин опровергали это. Это ерунда, говорили они, его никто не убивал. Саша просто вставил вилку под ток не в то гнездо магнитофона «Грюндик» и его убило электрическим зарядом – сердце не выдержало. Похоронили его на Сент-Женевьев-де-Буа, неподалеку от могилы Ивана Бунина.

Галич очень тосковал на чужбине и твердил в песнях: «Я вернусь!»

Роб АВАДЯЕВ

ОСТАЛАСЬ ГРУЗИЯ В СЕРДЦЕ...

СЛОВО – УЧАСТНИКАМ ФЕСТИВАЛЯ

Дорогие мои! Это невероятно, но Равиль на портрете – как живой. Это все говорят.

Каким даром воображения нужно обладать автору этой грандиозной идеи, чтобы вписать портрет в раму над старинным камином!

Получилось объемное стерео-фото! Это еще один Божий дар нашего Ник Ника Свентицкого – видеть невидимое! О, да!

Жена Олега Чухонцева сказала, глядя на то, как милейший Ник Ник вырастает из-под земли, опускается с небес и присутствует сразу во многих местах: «У него энергетика гения!» Немногословная и тихая эта женщина слов на ветер не бросала.

Отзвуки вечера от этой четы еще и таковы: Олег Чухонцев, будучи сам приглашенной звездой, сказал мне: «Это был лучший вечер на фестивале».

Лидия ГРИГОРЬЕВА (Великобритания)

«Не в одних стихах поэзия: она разлита везде, она вокруг нас. Взгляните на эти деревья, на это небо – отовсюду веет красотой и жизнью, а где красота и жизнь, там и поэзия». Эти слова Тургенева можно в полной мере отнести именно к Грузии – изумительной, гордой и величественной стране, в которой живут сердечные и красивые люди. А сколько поэзии в удивительном многоголосии грузинских песен, в пластике грузинского танца, в оливковом блеске глаз грузинских женщин! И в огромной любви, любви настоящей, не показной... Здесь ведь если друг, то навсегда... если застолье, то

с «пятиэтажным» наслоением блюд, тщетность запомнить все названия которых понимаешь еще до горячего... А восхитительные грузинские вина... Разве можно такое забыть?!

И разве можно забыть фестивальные поездки по разным уголкам Грузии...

На мой взгляд, идея своего рода «литературного десанта» по городам и селениям – замечательная идея! Некоторая сложность поездок сторицей окупалась теми удивительными впечатлениями, что получали мы, участники, от публики (настоящей и не избалованной, как водится, в глубинке), от природы, от общения. Разве поездка по не совсем комфортной горной дороге в Марнеули не стоила тех слов искренней благодарности людей, которые, выходя из зала, говорили, что наш поэтический вечер – это первое мероприятие на русском языке за последние два или три года, а они так скучали по этому.... А руководитель того дома, где проходили чтения, с гордостью показывал нам свое «хозяйство» – кружки и секции, где детишки совершенно бесплатно занимаются в свое удовольствие коврикатчеством, шахматами, рисунком, танцами, английским языком. Такая восторженная позитивная ностальгия по нашему детству – а там все реально существует и развивается.

Поездка на родину Маяковского. Поездка на родину Думбадзе. А возможность прикоснуться к мироточащей иконе Цераквского монастыря – это ли не счастье? Реальное. Неповторимое. Остающееся с тобой навсегда.

Ну, и конечно, интересные люди, встречи, знакомства, стихи! Поэзия со сцены, поэзия в фойе отеля, поэзия со страниц многочисленных книг, которыми обменивались авторы.

Низкий поклон организаторам за сказку под названием Шестой Международный русско-грузинский поэтический фестиваль и за Грузию, которая благодаря ему навсегда частичкой вошла в мое сердце!

Марина КАЛАШНИКОВА (Австрия)

Фестиваль получился замечательный; сейчас пишу о фестивале (с микро-рецензиями на книги, привезенные с фестиваля, включая «Перекресток» и «Новые сны о Грузии») для «Дружбы народов», как закончу – отправлю, напишу для «Русского клуба».

Евгений АБДУЛЛАЕВ (Узбекистан)

Было большой честью и радостью принять участие в вашем фестивале! Много впечатлений, много новых интересных открытий, много новых имен, много новых знакомств, которые, я надеюсь, выльются в новые совместные проекты.

Спасибо еще раз за теплый прием, за внимание и радушие! Отдельное спасибо за предоставленную нам с коллегами по проекту – Д.Матевосяном и Д.Чкония – возможность представить нашу книгу читательской аудитории в Ахалкалаки!

Вика ЧЕМБАРЦЕВА (Молдова)

▲ Евгений Абдуллаев и Михаил Яснов

Большое спасибо всему русскому клубу! Этот фестиваль отличался от остальных большой напряженностью и очень широким географическим охватом. Идея поездки по районам интересная, но следует продумать, как и куда стоит ездить. В некоторых местах русский язык, увы, не помнят. Надеюсь, наш приезд послужит стимулом для возрождения интереса к русской литературе и языку.

Успехов вам в вашей замечательной деятельности!

Римма МАРКОВА (Швеция)

Не перестаю быть с вами – слушаю грузинское пение, читаю стихи, перевожу. Наши стихи, наших участников фестиваля. Я полна творческой энергии. Душа полна теплых братских чувств. Это радостное состояние души я не назову иначе, чем как благодать. Я не

устану повторять вам о том, что какой-то первоисточник любви, вселюбви хранится в вашей поющей, танцующей, благословенной стране.

Спасибо вам за возможность все это прочувствовать, разделяя с собратьями по перу. Нет ничего прекраснее на свете, чем чистые человеческие чувства взаимного понимания и тепла. Такое собрание поэтов со всех концов мира в наше время – великое дело. Но понять и назвать то духовное изобилие, то бесценное благо, которым вы щедро всех нас одарили, наверное, будет возможно только в стихах. В общем, как у Цветаевой: возвращу сторицей. Хотелось бы!

Злата КОЦИЧ (Сербия)

О том, как грандиозен фестиваль, как прекрасна Грузия и гостеприимны хозяева, думаю, написал каждый, мне же хочется рассказать о ярких моментах, пережить которые посчастливилось не всем.

Во второй день пребывания в Тбилиси мы с несколькими друзьями нашли окно между мероприятиями и сходили на выставку картин Пиросмани в Национальном музее Грузии. Однажды, рассматривая картины в Третьяковской галерее, я увидела его работу «Рыбак среди скал» и долго не могла сдвинуться с места, меня душили слезы. Такие же чувства нахлынули на меня в Тбилиси, когда я смотрела на белую «Козу» Нико Пиросмани.

Чем так берет за горло этот художник, что такого завораживающего в его наивных, трогательных картинах? Почему изображенный на них образ, как золотой ключик, вскрывает затаенное в глубине томление? Я решила, если кто-нибудь когда-нибудь увидит у меня на лице слезы, вызванные созерцанием прекрасного, и спросит, что со мной случилось, отныне буду отвечать: «я посмотрела на белую козу».

Грузинский фестиваль поэзии интересен и уникален еще и тем, что в его программе было много поездок по регионам. Нашей маленькой группе досталась поездка в Шуахеви. За нами на микроавтобусе приехал заведующий отделом культуры шуахевского муниципалитета Роман Путкардзе. Дорога лежала меж гор, вдоль реки. Вода в ней прозрачна и полна форели. Роман рассказывал, что жители горных деревень живут натуральным хозяйством, держат коз, коров, ловят рыбу, выращивают овощи, фрукты, пшеницу, пекут домашний хлеб.

Шуахеви впервые за фестивальные годы принимал поэтов, дом культуры был полон. После нашего выступления на сцену вышли аксакалы. Стройные седовласые старцы выделяли такие джиги, что хотелось сорваться с места и присоединиться.

После концерта было застолье – нас угощали форелью, выловленной в местной реке, и блюдами, которых нигде, кроме Аджарии не готовят. Тамадой был избран известный аджарский поэт Вахтанг Глonti. Он сказал, что грузины гостеприимны и хлебосольны, потому что в каждом госте видят посланника небес.

В сказках довольно часто обыгрывается ситуация, когда волшебник или волшебница является перед героем в облике нищего странника. Если герой добр и откликается на просьбу о помощи, волшебник одаривает его некими благами или ценными качествами. Если же герой зол и отказывается помочь страждущему, он получает наказание.

Думаю, грузины – одаренный народ, потому что оказали помощь не одному волшебнику в их краях.

Ганна ШЕВЧЕНКО (Украина)

ПОДЛИННАЯ ДАНЬ ПАМЯТИ

«Нам без дружбы жизнь не в радость...»
Шота Руставели

Редкий дар признанного писателя и присущее Арсену Еремян живое, радостное восприятие жизни, его прекрасные очерки, рассказы и стихи не дают исчезнуть добрым делам и славным именам людей ушедшего века.

Яркое творчество А. Еремяна всегда чутко отзывалось не только на факты истории и важные явления общественной жизни, но и на то, как и чем жили его соотечественники – реальные герои истинные тбилисцы и земляки в родной Армении, динамично и интересно отражало судьбы самых разных людей, славных и милых, талантливых и душевно щедрых, неизменно прекрасных в своих поступках и деяниях.

В увлекательных маленьких историях по-разному,

АРСЕН ЕРЕМЯН
ПОЗОВИ МЕНЯ
КАК СЫНА

но всегда естественно возникали и складывались искренние дружеские связи между героями повествования, личные добрые отношения, взаимопонимание и братская поддержка независимо от национальности и социального статуса.

Может показаться преувеличением, но после каждого прочитанного эпизода напрашивается обобщение о благе существовавшей в ту пору атмосферы интернационализма, верности национальной идее и укреплению межнациональных отношений, называемых единением и Великой Дружбой Народов.

Арсен не изменил себе и в вышедшей недавно своей замечательной книге «Позови меня как сына» (международный проект Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб» с участием Союза писателей Армении и Союза писателей Грузии при поддержке Международного благотворительного фонда «КАРТУ»).

Она написана убедительно, правдиво, живо, интересно, ярко, талантливо, искренне, с любовью. В ней столько света, добра, человеческой мудрости, достоинства и благородства!

Не каждому дано так чутко чувствовать пульс эпохи и свою ответственность перед временем и перед людьми.

Особенно покоряют высокий профессионализм, утонченная интеллигентность, доброжелательность и гуманность автора, его чистота, ясность и несиюмнута суждений о событиях и людях, составляющих славу и гордость Грузии.

Эта книга – подлинная дань их памяти.

Виктория СИРАДЗЕ

МТКВАРДАЛЕУЛНИ

Большую радость внесла в мою ереванскую квартиру замечательная книга Арсена Еремяна «Позови меня как сына», широко представленная в Армении от имени «Русского клуба» литератором из Тбилиси Артемом Киракозовым (Григоренц). Спасибо!

Все, что связано с Тбилиси, вызывает у меня трепетное волнение, вернее – приливы немернущих воспоминаний («волны счастья» - здесь и дальше так характеризовал эти «приливы» безвременно ушедший из жизни тбилисец Тельман Зурабян). Таков феномен Тифлиса – Тбилиси, таково его магическое действие на истинных тбилисцев – как пишет Арсен Еремян – испивших воды Куры (мтквардалеулни), да и не только на них. Не так много городов, тем более мегаполисов, которые обладают этой чарующей магией. Но нам, тбилисцам, повезло. Я безмерно счастлив, что по воле Всевышнего появился на свет именно в этом городе, в теплой, дружной семье в маленьком дворике на улице Пушкина 19, - в дворике, которого сейчас уже нет... Родился, и сразу окунулся в неповторимый полилингвистический мир, со всей его фонетической красотой и неповторимой самобытностью жизненного уклада. Это ли не счастье?!

Коротко о самой книге, ее назначении, об ее талантливом авторе Арсене Еремяне. К сожалению, с А. Еремяном я лично не знаком. Но его статьи в «Вечерке» и «Заре Востока» - газеты, которые в бытность мою школьником читал регулярно – запомнились надолго. С Арсеном Еремяном мы не знакомы, но не сомневаюсь,

что наши пути неоднократно пересекались, - ведь при прочтении книги оказалось, что мы учились в школах, расположенных на одной улице (Бебутовская, Энгельса, Асатиани): Арсен – в знаменитой 43-й школе, а я в не менее известной 66-й.

И жили мы неподалеку. Возможно, он заходил в наш дворик попить воды из крана у дерева унабы. Возможно я на Лермонтовской приислонился к дереву, которому Арсен посвятил проникновенный стих «Плач по дереву»... Более, чем возможно... Главное – мы оба тбилисцы, оба шестидесятники, и оба любим свой город, Пример тому – все творчество А.Еремяна. (Тбилисская тема прочно вошла и в мои литературные опусы: «Авое, Тифлис!», «Где Кура, где мой дом» и другие.)

Не стану останавливаться на профессиональном мастерстве Арсена Еремяна – это видно с первых же его строк, будь то публицистика, проза или лирика: всеми этими жанрами автор владеет блестяще. Не стану перечислять, а тем более пытаться передать тонкости и нюансы его литературного слова, и чувств, которые возникали у меня практически на каждой странице его книги. Но о значимости этой книги, как явления, и о значимости такого рода творческих проектов – и не только на литературной стезе, но и в музыке, театре, кино – выскажу мнение.

Роль таких посылов в будущее велика. В особенности между Грузией и Арменией, творческие связи которых не новы. Они многовековые. Приведу выдержку из статьи «Пусть будет вечным наше братство», выдающегося грузинского писателя Константинэ Гамсахурдиа, опубликованной в 1971 году в журнале «Литературная Армения», статьи, которой начинается книга Арсена Еремяна «Позови меня как сына»: «...Братство армянского и грузинского народов – редчайший пример в истории. Мало найдется таких народов, которые на протяжении веков жили бы так сплоченно... Наши народы, как близнецы, похожи друг на друга, у нас одна история, похожи наши реки, горы, языки... Мы должны завещать детям свято хранить это братство».

Арсен Еремян всей своей жизнью и творчеством следует завещаниям наших великих предков.

Был бы рад лично пожать руку автору книги и руководителям «Русского клуба», осуществляющих такие проекты. Готов посильно участие в активизации творческих связей между Арменией и Грузией, и, конечно же, Россией, язык которой давно стал для нас родным.

А Армения, в которой Арсен Еремян, по его признанию в одном из своих прекрасных стихов, не был давно и сердце потерял в ее горах, всегда и с радостью зовет и принимает своих талантливых и благодарных сыновей
Еще раз – Большое Вам Спасибо!

Григорий АРУТЮНЯН

член Союза писателей
Союза художников Армении

Потрясающая проза! (Речь идет о «Завещании Гроссмана» А.Еремяна – *Ред.*) Спасибо армянину – жителю грузинской столицы – за сочувствие еврейскому народу, более одной трети которого сожрал разверстый ядовитый зев нацизма и которого и сейчас не понимает «прогрессивное» мировое сообщество.

Ольга ФАЙНБЕРГ

из поколения Детей Шоа,
писательница и журналист,
Израиль

ПОЭЗИЯ АЛТАРНОГО ПРОСТРАНСТВА

*Восприятию лирики **Олега Чухонцева** противопоказана суэта в любых ее проявлениях и дозах, его стихи невозможно читать, путешествуя или беспокоясь о чем-то сиюминутном, их нельзя рекомендовать в программу школьных утренников. Душа устремляется навстречу его лирике в безмолвии, как в*

безмолвии открываются нам таинства символики церковной росписи.

Читаю отрывок из эссе «моего молодого друга», как назвал Олег Григорьевич поэта и критика Максима Амелина, и ощущаю с ним духовное родство мнений: «...Новый способ говорения Чухонцева заставляет вспомнить иной тип православной аскезы – «умудренное юродство»... без «ругания миру».

Наша беседа состоялась в дни VI Международного русско-грузинского поэтического фестиваля, в уютной зелени батумской беседке, почти примыкающей к кромке одного из красивейших в мире бульваров.

- Олег Григорьевич, страшно подумать даже не о том, как давно вы не гостили в Грузии, а о том, сколько войн и других потрясений тому назад это было...

- В Тбилиси я не был 37 лет – это целая жизнь Пушкина. А впервые приехал в Грузию в 1966 году, на празднование 800-летия Шота Руставели. Мне тогда показалось, что львиная доля республиканского бюджета была брошена на эти празднества – сотни приглашенных литераторов, ученых, деятелей искусства. Вспоминаю те дни, как сказку из «1001 ночи». Побывали и в Вардзии, тогда я был молод, голова держала высоту, тропы скальные были ничем. А теперь у меня осталась только визуальная память. Так сложилось, что все друзья моей молодости были старше. С Арсением Тарковским, помню, мы совершили замечательное путешествие, закончившееся долгим грузинским застольем. А в конце ему как аксакалу подарили роскошную бурку.

- Очевидно, тогда же и начался ваш переводческий роман с грузинской поэзией...

- Он не развивался так, как бы мне хотелось, но все же первым его героем был Хута Гагуа, у нас сложились замечательные творческие отношения, совершенно лишённые шашлычно-лавашного духа. А потом меня попросили перевести еще одного одаренного писателя и замечательного человека, Андро Жвания, судьба которого была сломана – как политический заключенный, он отработывал свой срок в шахтах Ткварчели. Я очень надеялся, что переведенные мной его пьесы в стихах увидят свет рампы, но этого так и не произошло. На что Булат Окуджава, будущий сосед по даче в Переделкино, подбодрил меня такими словами: «Олег, не переживай, стояло бы на титуле «Андре Жван» вместо «Андро Жвания» и «перевод с французского» вместо «перевод с грузинского» - как чума пошли бы ставить». За мой долгий литературный век я мог бы, конечно,

перевести больше ярких и талантливых грузинских поэтов. А получилось только одно стихотворение для детей Мухрана Мачавариани, немного – из лирики Шота Нишнианидзе, два – Отара Чиладзе. Перевод одного из этих двух получился действительно удачным, это же стихотворение перевел Иосиф Бродский. Отар выбрал мой перевод как более похожий на оригинал.

- А если обобщить ваши взгляды на искусство перевода...

- Есть два типа перевода – буквалистский и свободный. Я, как и мой старший коллега Арсений Тарковский, сторонник буквалистского подхода. Я не вижу в этом ничего зазорного. Мне нужен максимально сохраненный текст. Вспоминаю, как другой мой старший коллега и друг Юрий Домбровский в запальчивости однажды заявил: «А мне наплевать – какой Пастернак блестящий переводчик. Я хочу читать то, что написал Шекспир, а не то, что ему приписал Пастернак, со всем его талантом и мастерством». И я предпочитаю читать переводы Михайлов – Донского или Лозинского, как более точные. Но театр со мной не согласен. И он безошибочно, с учетом специфики своего рода искусства, выбирает для постановок тексты Пастернака, потому что они выигрывают в художественном отношении. Или взять работу с грузинской поэзией того же Пастернака, Заболоцкого, Тихонова, Антокольского – никто из них не владел грузинским языком. Но ведь подарили они нам грузинских лириков, сделав их до-

ла».

- Нечто в этом роде. Но ведь есть и такие стихи (и в той же лирике Галактиона), которые сотканы из единственных словосочетаний, им нет аналогов в другом языке, интонацию для их перевода подыскать тоже невозможно. Об этом пишет Пастернак своему сыну Евгению Борисовичу. Так что же делать? Бросать их без перевода? Борис Леонидович предлагает в этом случае единственный, на мой взгляд, путь – переводить впечатление. Но тогда называть это надо уже не переводом, а как-то иначе.

- Просто надо договориться о терминах. Есть ведь в музыке жанр вариаций. Например, «Вариации на тему Моцарта», автор – Бетховен. Но это не «перевод», не исполнение музыки Моцарта, это произведение Бетховена. Можно переводить, а можно интерпретировать, создавать переложения.

- Так вот, если в переводах я – сторонник буквализма, то во всех остальных разновидностях предпочитаю романтический подход – так работал Жуковский. И Пастернак, кстати, относил себя к романтическому типу переводчиков. Я верю, что появятся издательства, настолько себя уважающие, что, выпуская полифонию переводов «Витязя в тигровой шкуре», например, ясно пропишут в научном аппарате – чем отличается подход Шалвы Нуцубидзе от подхода Николая Заболоцкого, и так далее. Последняя «волна» моих переводов грузинской поэзии была связана с творчеством Тариэла Чан-

турия. Мы встретились и подружился в 80-е годы, на замечательных семинарах в Пицунде, которыми верховодил незабвенной памяти Отар Филимонович Нодия, глава Коллегии по переводу и литературным взаимосвязям. Это был уникальный очаг культуры, и вот уже скоро 30 лет, как во время публичных выступлений я не устаю повторять: этому опыту надо учиться всем странам мира, которые хотят поддержать свою культуру. Я работал над переводами Чантурия, в последнем номере альманаха «Кавкасиони» опубликовал его крепкую, ладную поэму, и еще стихотворений 15 было в рукописях, вырисовывалась книга, но тут – развал СССР, и все пропало.

- Как, разве не сохранились архивы?

- Увы, я трижды переезжал, пропали не только эти рукописи, но и мои записные книжки за 35 лет! Там было столько набросков, четверостиший, восьмистиший, которые могли перерасти в стихи... Но я тогда не придавал черновикам особого значения и лишь теперь понял, как много потерял...

- Да, потерять рукописи – это жизненная драма и творческая трагедия. Тем более, спрос на них будет только расти – ведь компьютерная эпоха оставляет будущие поколения без рукописей и черновых вариантов.

- В последнее время я везде и всюду об этом говорю. Дело ведь далеко не только в исходном тексте, каноническом. Я испытываю подлинное эстетическое наслаждение, перечитывая академическое издание Пушкина 1937 года. Боже, какое количество эпитетов он перебирает и отвергает, как сокращает текст, превращая его уже в совершенство, я слежу за работой его мысли, за творческим полетом... И все это теперь

▲ Родительский дом Олега Чухонцева

стоянием русской поэзии. И это – победа свободного перевода, хотя не забудем: подстрочники им составляли с профессиональным толкованием текста.

- Вот почему я всегда ратовал за издания «трехвариантные» - с текстом оригинала, подстрочником и переводом.

- И верно, так многие наши фантазии и художества стали бы очевидны даже для непосвященных. Особенно это касается случая с Галактионом. Прекрасный знаток Гия Маргвелашвили выпустил сборник подстрочников, и...

- И, по Петру Великому, «дурь каждого видна ста-

ушло, безвозвратно. А Бахыт Кенжеев, например, настроен оптимистично, он говорит: «Это от неумения работать на компьютере. Я все сохраняю».

- Мне тоже хочется выдавать желаемое за действительное. Для себя я даже в нашем интервью оставил несколько фрагментов «не для сегодняшнего пользования». Авось, придет и их час. И все же это – суррогат рукописей. Как я понимаю гения шахмат Роберта Фишера, который с горечью говорил: «Все видят, как я красиво играю, но беда в том, что никому не дано увидеть, как я красиво думаю»...

- Мне жаль поколение, которое будет возвращено на электронных книгах. Когда я подхожу к моей библиотеке, беру в руки старинный том, ощущаю его запах, цвет, люблю шрифт, полями, мастерством книгоиздателей, переплетчиков, прошитыми, а не склеенными обложками, это – поэзия, пир книголюбия, а сейчас востребован только текст.

- Я заметил, что вы не слишком стремитесь в гущу фестивальных событий, вы с супругой, прозаиком, режиссером и сценаристом Ириной Поволоцкой со всеми дружескими, но дистанцированы...

- Я – человек не фестивальский, точнее, не общественная фигура. Для меня своего рода испытание – оказаться среди десятков коллег разных уровней одаренности, вкусов, пристрастий и ценностей. Я человек одинокий, но бываю очень счастлив, когда удается хотя бы ненадолго вырваться из этого моего полужизничества. Ценю в фестивалях прежде всего ритуалы – ими славилась нелюбимая мною советская эпоха, а именно возможность послушать – что пишут по-русски в Лондоне, Тбилиси, Ереване, Баку, Нью-Йорке, Париже... Наше дело тихое – создать Орден независимых художников слова, свободный от кошмарной индустрии стихоплетства и текстов еще более кошмарных песен. Этот Орден необходим как противостояние победившему плебею, торжествующему быдлу. Я никогда не употреблял этих слов в прежние годы, но в последние пять лет прорвало, потому что плоды победы восстания масс стали просто нестерпимы. Фестивали, подобные русско-грузинскому, хороши тем, что здесь собираются большей частью подлинно творческие люди. И хорошо, когда находятся такие организаторы, как Николай Свентицкий, такие благородные спонсоры, которые финансируют поэтические форумы, не думая ни о какой прибыли, даже не рекламируя своего участия. Но моя точка зрения неизменна, для меня главное – общение, узнавание, обмен опытом, возможность выйти на заинтересованного читателя, а не антураж. Сказанное не относится, конечно, к воздаянию долга души прославленным предшественникам, я имею в виду остальную «официоз», «обязательную программу».

- Таковы правила игры, Олег Григорьевич. Есть табу, от которых никуда не денешься, если хочешь соблюсти законы жанра.

- Да я не против, я ведь говорю о личном. А вот то, что удельный вес талантливых участников здесь высок – это прекрасно. Я знаю, проводятся фестивали, куда приезжают графоманы-толстосумы, на свои деньги, с роскошно изданными фолиантами собственного бреда. Фестиваль в Грузии – не из подобного ряда, и это – чудесно. А вот то, что Россия никак не участвует материально в поддержке этого фестиваля – достойно осуждения. Да и моральная поддержка мизерна. Но, возможно, сказывается порочная практика даже не столько частой преемственности министров, сколько отсутствие преемственности ответственности. Благодаря этому безобразию мы стоим на руинах разрушенной системы образования, доставшейся СССР от царской России, а вовсе не изобретенной безграмотными большевиками. Эту систему не смогла уничтожить даже насквозь лживая идеология, потому что система была ори-

ентирована на развитие интеллекта, учила не запоминать, а понимать.

- Я обнаружил довольно спорную заметку о характере вашего творчества в «Критической массе» за 2004 год. Некто В.Шубинский отмечает, что ваша поэтика находится в сплаве с широким и сложным культурным контекстом, и в результате этот «его «неореализм» сам по себе также открывает перед поэтом новые и неожиданные возможности. Конечно, для любовной, к примеру, лирики он подходит плохо – любовные стихи Чухонцева сравнительно малоудачны; не слишком вдохновляют и его философские рассуждения. Но вот такое сочетание экзистенциальной остроты с натуралистической жесткостью – кому еще оно доступно? - и уж это-то настоящая поэзия», - пишет он.

- Как-то не очень это все понятно. «О чувствах» я писал в молодости, как и положено, но я действительно не Есенин в любовной лирике, это и так очевидно. Есть, правда, и другие мнения. Вадим Баевский в своей «Истории русской литературы XX века» характеризует мое стихотворение «про это» как «одно из лучших произведений русской любовной лирики XX века». Я немного отвлекусь от темы, раз уж к слову пришлось. Не берусь предсказать, во что бы вылились дарования Есенина и Маяковского, если бы они прожили дольше. Есенин, может быть, еще какое-то время развивался бы по поступательной. А «кардиограмма» Маяковского прогнозу не поддается.

- Может, хотел добиться разрешения на выезд в Париж к Татьяне Яковлевой, как предполагает его дочь? А когда понял, что не дадут, перестал писать и стал выступать с критикой обожествленной им же революции? За что его и убрали?

- Не знаю, почему «его убрали», по-моему, он сам себя убрал. Но вот что бы стал он делать, остаться в живых? Писал бы «под Сталина» и выступал на съездах с докладами? И то дело, Сталин хотя бы книги читал, в отличие от Хрущева и всех других. В Маяковском сочеталось несочетаемое. Дарование – колоссальное, этим пользовались прихлебатели, на нем спекулировали. Для создания истинного лирического произведения нужен чаще всего даже не пушкинский порыв, хотя и так бывает. Подлинное стихотворение должно быть остужено – или расстоянием, или временем. И тогда наступит рефлексия – не так ли в тютчевском шедевре: «Вот бреду я вдоль большой дороги...» От этой рефлексии, отстраненности от «жерла» событий и рождается глубина и духовное стерео-зрение. Много тысячелетий существует наше бедное-разнесчастное занятие, и хотя бы столь почтенный возраст должен подсказать поэту, что служит Литературе, и за его плечами – десятки веков развития, и множество гениев, в том числе уже сформировавшейся любовной лирики. Если нет этого ощущения, любая культура скисает. На моей памяти ярко начинали многие, но «лопнули», потому что вектор духовного развития оказался для них неподъемным грузом. В нашей части планеты этот вектор связан с христианскими ценностями, которые я ставлю выше поэтических, еще и потому, что мне скоро представать перед Страшным судом. И я думаю все чаще – если буду уходить в здравом уме и твердой памяти – какие строки призвал бы я на помощь, какие помогли бы мне уйти с сознанием исполненного долга? Это могут быть запечатленные мгновения памяти.

- Олег Григорьевич, прямо мурашки по коже. Скольким еще неоткрытых островов!

- Это у вас такие ассоциации, потому что вы знаете

▲ Награждение премией «ПОЭТ». 2007

– что значит работа над словом, а у этих всех вместе взятых «грибков», у этих «опустошенных эквилибристов» - не наберется духовности и на пол-строки из процитированного. Впрочем, вкусы формируются далеко не сразу, молодости многое прощительно. Я сам через это прошел, но это был, так сказать, латентный период развития и я, по счастью, не успел или не смог напечатать свои художества.

- Вы не считаете себя борцом с советским режимом и тем более пострадавшим от него. Но куда деваться от фактов – составленная в 1960 году книга стихов «Замысел» издана не была. Той же участи удостоилась и следующая – «Имя»...

- Это не по личным мотивам, просто чужака не пускали к «кормушке». Меня «отфутболили» - пришел с книжкой в декабре, редактор сказал – в январе подпишем договор, а он дела сдавал, в январе уже другой редактор, который «ни сном, ни духом»... Ведь тоталитаризм страшен скорее не идеологией, а своей мафиозно-фаланжированной структурой. Если такая структура налицо, называй строй хоть трижды демократическим – ни о какой свободе и речи быть не может. А «свежие люди» пробивались сквозь издательские заборы только под диагнозом «он настолько наивен, что даже не опасен». Но не забывайте, что одновременно я работал в журнале «Юность», главном приюте всех «не идущих нога в ногу». Я был назначен завотделом поэзии в свои смешные 24 года. И кто только там не кучковался из шестидесятников, на которых народ валом валил. Нет, не записывайте меня в диссиденты, и в когорту шестидесятников, которые олицетворяются с противостоянием советской идеологии, тоже не зачисляйте ни в коем случае. Я не лучше их и не хуже, просто никогда не был в их компании... В 1958 году я написал «Балладу ташкентской бойни», где козлы-«авторитеты» ведут на убой послушное им стадо, сами при этом избегая ножа, как «нужные». И несколько раз читал это в разных аудиториях. Может быть, поэтому и репутация моя бежала впереди меня. А так... я человек тихий, неконфликтный.

Владимир САРИШВИЛИ

СПОСОБ ГАРМОНИЗАЦИИ МИРА

С поэтом и драматургом Еленой Исаевой – постоянным участником Международного русско-грузинского поэтического фестиваля, проводимого «Русским клубом», я мечтала познакомиться давно. Не только из-за ее тонкой лирики и необычной драматургии. Притягивали глубокий взгляд серо-голубых глаз и покой, исходящий от Елены. Общение только усилило это впечатление какой-то «надмирности». Особенно когда Елена заговорила о гармонизации мира посредством поэзии. Слова Исаевой зацепили настолько, что время от времени стали возвращаться. Как и строки ее стихов...

- Елена, в рамках VI Международного русско-грузинского поэтического фестиваля «Во весь голос» вы провели мастер-класс для участников литературного объединения «Молот О. К.». Что вы, прежде всего, хотите передать молодым, чему научить?

- Научить их практически невозможно. Обучение – это просто погружение в некую среду, контекст, где человек сам берет то, что хочет или может взять: из разговоров, из анализа, из каких-то творческих советов. Я жду, что они раскроются и будут самими собой, каким-то образом нащупают свой путь. В принципе еще древние греки сказали все про этот мир, а нам остается только высказаться по-своему. Поэтому мне важно, чтобы начинающие поэты научились говорить внятно и по-своему. Чтобы они рисовали свою творческую картинку мира – это есть творческое обживание пространства, времени, мира, в который они попали, куда посланы. Ведь мы каким-то образом приходим сюда по воле свыше. Мне кажется, самое главное – пробиться к себе самому. Может быть, эта мысль баналь-

ная, но она правильная. Я правильных банальностей не боюсь. Мы говорили с молодыми поэтами именно об этом. Мне кажется, что во многом они пока закрыты. Возможно, это некая восточная специфика, когда человек закрыт для окружающего мира и старается все подавать через какие-то внешние образы. Такому поэту трудно пробиться к себе самому. Он старается себя не анализировать, потому что это больно. Больно понимать, что все происходит именно так, и ты именно так реагируешь на какие-то вещи. Осознавать, почему ты ведешь себя так, а не иначе. В каком-то смысле поэзия – это творческий психоанализ. Поэзия для меня – это гармонизация своего личного пространства и пространства вокруг. Ведь в принципе мир строится на гармонии. Когда мы все вокруг гармонизируем, отступает хаос. Приходя в местность, где все разрушено, мы, как правило, начинаем все разгребать, строить. Пытаемся все окультуривать, чтобы хаос отступал. Поэтому гармонизация своего личного пространства, на мой взгляд, – главное для каждого человека. Это победа над хаосом, к чему мы все призваны. Некая цель существования. Она включает и саморазвитие, и умение строить отношения с другими людьми и т. д. Еще одна роль поэзии – коммуникативная: умение общаться с внешним миром. Я бы стихи вообще преподавала с первого класса – учила бы умению строить свою речь гармонично, умению слышать звук, слово. Мне кажется, это один из основополагающих моментов для формирования личности. И неважно, в какой стране. Если возвращаться к древним грекам, то у них существовали школы риторов и философов. А у нас был Александр Сумароков – поэты его литературно-

го окружения собирались, читали стихи, критиковали, вели споры, доказывая, почему это плохо, а то – хорошо. Так что студийная работа существует с давних времен. Бери томик Пушкина, Цветаевой, учишь, смотри, как они это делали. Пока не освоишь существующий инструментарий, ты не можешь двигаться дальше. Когда я вижу повторы, заимствования – то из Хлебникова, то из Заболоцкого, я это не осуждаю. Я вижу, что люди честно осваивают чужой инструментарий. А потом они, возможно, выйдут на какой-то другой уровень. Это нормально. Другое дело, когда поэты выросли и стали эпигонами. Вот это чудовищно! Так что, возвращаясь, к вашему вопросу, учителя – это там. А тут, скорее, тренеры, которые просто помогают тебе.

- «Учитель» звучит лучше, чем «тренер»...

- Учитель – это большое слово. Ну, может, и учитель.

- От кого у вас поэтический дар?

- Моя мама окончила факультет журналистики, она человек тонкий, очень образованный, сама в юности писала стихи, но бросила. У мамы сложилась счастливая любовь, веселая жизнь, и она от стихов отстранилась. Для поэзии, как и для любого творчества, нужна некая внутренняя драма. Если ты ничего не решаешь, то нет предмета для разговора. Поэзия – это некое творческое, образное сообщение, которое ты посылаешь в мир. Таким способом ты что-то кодируешь и передаешь определенную информацию. Стихами, прозой, пьесами – неважно, какого объема и какой формы твое сообщение. Романы сегодня не пишутся, потому что нет сообщения на роман, потому что нет времени для того, чтобы написать такое сообщение. Время

▲ Елена Исаева

другое, темпоритм совершенно нероманный. Толстой жил и творил в Ясной Поляне, он имел возможность спокойно все осмыслить. А нам где и когда этим заниматься?

- Но время вроде и не поэтическое?

- Мне так не кажется. Наше время как раз рассчитано на короткую дистанцию в творчестве. Быстро осмыслил происходящее, быстро сочинил. Для поэзии всегда есть время. Другое дело, что очень мало на свете людей рефлексивных. Их все меньше и меньше.

А писатель – это, прежде всего, человек рефлексивный. Ведь рефлексия – обязательное, основное свойство профессии. Люди рефлексивные – те, кто обживают прошлое, думают о будущем, испытывают чувство вины. Я, например, долго время не понимала, что могут быть другие люди – люди, которым вообще не свойственна рефлексия. С новыми временами появились бизнесмены, деловые люди. На рефлексивность они не имеют права – подобное проявление как раз запрещено в этой сфере деятельности. Если ты будешь рефлексировать по поводу конкурента, то только провалишь дело. «Бедный Вася разорится, если я введу новую линию. Пожалуй, я пожалую Васю и не буду этого делать!» - таковы размышления рефлексивного человека. В этой ситуации бизнесмен не решит своих проблем. Но в нашей профессии, слава богу, рефлексировать еще позволено. Не знаю, как долго это еще продлится. Нам ведь тоже приходится выживать, переживать. Конечно, капитализм – это тяжелое испытание для поэзии.

- А может, и поэты сегодня другого склада? Не такие уж и небожители?

- Да, есть такое понятие, как «стихи умного человека» - они идут из головы. Такие поэты создают некую реальность без эмоционального фона. Эти проблемы существуют и у ваших молодых авторов. Сразу видно, когда стихи выстраиваются в мозгу. Это не минус и не плюс. Это другой способ, тип творческого сознания, другой способ работы. Он имеет право на существование. Это зависит от того, чем ты держишь в стихах – эмоцией, мыслью, необыкновенной звукописью, особым каким-нибудь языком. Вот возьмем Велимира

Хлебникова. Совершенно непонятно, что он там хотел сказать, но это абсолютно завораживающая история! Важно, чего ты добиваешься. Но я сторонник, скажем так, «неголовного» направления. Это мне действительно ближе. А сегодня наступили времена, требующие подключать голову и отключать чувства. А писать все-таки хочется, потребность в этом остается. Я написала пьесу «Я боюсь любви» - о том, как люди, испытавшие не однажды облом на личном фронте, боятся вступать в новые эмоциональные отношения и в итоге попадают в ловушки, которые расставляют сами себе. Человек без чувств мертв, эмоциональный фон необходим, иначе он и в самом деле сойдет с ума от эмоциональной голодовки. Так же и в поэзии. Если ты все время творишь из головы, то тоже начинаешь сходить с ума от отсутствия иррационального начала. Без иррационального начала человек погибает. У каждого есть клапан эмоций, но не все умеют его открыть. Хотя у каждого должна быть эта способность. Мне кажется, настоящая поэзия, в лучших своих вещах, непридуманных, а именно созданных и записанных, что-то нам транслирует. Мы являемся проводниками, и какой-то опыт, знания, советы передаем через стихи. Каждый поэт должен быть полноценным транслятором, это возможно, когда ты сам себя строишь, любишь, холишь, лелеешь и гармонизируешь.

- А как же внутренняя драма?

- Все преодолевается гармонизацией. Конечно, внутренняя драма мучает, конечно, это противоречие. Но ты борешься с внутренней драмой именно тем, что

стараешься себя выстроить.

- Закон единства и борьбы противоположностей? А что для вас театр?

- То же самое. В театре я решаю те проблемы, которые не могу решить через стихи. В пьесах я говорю и о себе тоже, но через какие-то художественные образы. Если свой опыт художественно не осмысливаешь, то получается журналистика.

- Получается, драматургия – тоже форма исповеди, как и стихи?

- Да, только исповеди творческой. Но это иная форма высказывания.

- Вы много пишете для театра...

- Я фанатка Театра.doc. Люблю, чтобы все было внятно, коротко, по-киношному, в современном ритме, который многие драматурги – представители «новой драмы» и не только они, сегодня поймали. Это когда в единицу сценического времени зрителям сообщается огромное количество интеллектуальной и эмоциональной информации. Мне нравится, чтобы меня загружали этой информацией, причем на современном языке. Театры старой эстетики – это когда все долго, медленно. Вот героиня наконец дошла до кресла в своем шуршащем платье... Я такое не могу смотреть. Мне сегодня нужен совсем другой темпоритм. Почему молодежи интересен театр.doc? Потому что он на их волне.

- Неужели традиционная театральная эстетика совсем уж не приемлема?

- Разве что если ее интерпретировать, погрузить в какой-то современный контекст, что-то придумать. Если старое не обживать по-новому, не разворачивать в другую сторону, то это скучно и мертво.

- И как сегодня развивается новая драма? Какие у нее отношения с театрами и режиссерами?

- Выходит достаточно много новых хороших пьес новодрамовцев, но театр за ними не успевает. Говорят, что современных пьес мало, что их нет. Но это не так. Театры не знают, что с ними делать, как их ставить,

поэтому и утверждают, что ее нет, что это не драматургия. Что же делать? Значит, будем ждать режиссеров, которые поймут новую драму. Или будем их выращивать в своей среде. Надеемся, что все-таки появятся режиссеры, которые проявят интерес к новой драме. А пока сами авторы новой драмы ставят свои пьесы, потому что знают, как именно надо это делать.

- А вы сами знаете, как надо, когда пишете свои пьесы?

- Да, я даже стараюсь расписать все в подробностях, в мизансценах. Мне говорят: не руководи режиссером, не расписывай, где должен стоять герой и т.д., но я стараюсь максимально все прописать на бумаге, чтобы режиссер знал, что я про это думаю. Пусть он все в итоге сделает по-своему, и я пойму, что была не права. Я не консервативна, но прописать свое видение внутри ремарок все-таки считаю необходимым.

- А кто из режиссеров, по-вашему, умеет работать с новой драмой?

- Володя Панков. Он очень талантлив. Вышел его фильм «Доктор» по моему сценарию и пьесе. Это запись рассказов реального провинциального врача из астраханской губернии Андрея Гернера.

- Вы пишете не только пьесы, но и сценарии для телесериалов. Это только средство для зарабатывания денег или тоже приносит удовлетворение?

- Если я работаю для телевидения, то это ремесленная вещь. Если человек производит чашки и торгует ими на рынке, то это одно. А если создает эксклюзивную маленькую чашечку – это другое. Это артхаусное кино. Я нигде не халтуру. Умею и то, и другое.

- А как это может сочетаться в творце?

- Вполне может. Это не может сочетаться только на ранней стадии, когда происходит становление писателя. Для молодых это опасно. Если молодой человек заточен на ремесленное зарабатывание денег, это его может погубить. Он будет развиваться именно в этом направлении. А если речь идет о больших деньгах, то трудно от них отказаться и переориентироваться на что-то другое, где денег гораздо меньше. Приемы, которые действуют в сериалах, естественно, отличаются от приемов, работающих в артхаусном кино. Когда молодые авторы стараются перенести сериальные приемы в высокое искусство, это не всегда, грубо говоря, получается. И наоборот: те, кто занимаются артхаусным кино, презирают низменные вещи. Я считаю, что профессионал должен уметь все. Если ты начинал с эксклюзивных вещей, а потом пришел в сериальный бизнес для честного зарабатывания денег на хлеб, ничего страшного в этом нет. Человек с уже устоявшимися взглядами, сформировавшейся ценностной системой в этой профессии выдерживает любую нагрузку, а вот молодому человеку труднее.

- А границы между эстетикой артхаусного кино и сериала никогда не размываются?

- Нет, это совсем разные инструментарий. Есть, конечно, общие законы драматургии, которые никто не отменял, но существует все-таки большая разница.

- Не приходится, работая в сериалах, наступать на горло собственной песне?

- Если вы делаете что-то на заказ, то просто подчиняетесь заказчику – и все.

- А можно в этом случае испытать удовлетворение от работы?

- Если ты убеждаешь заказчика в своей правоте, и он не портит работу своими замечаниями, то, конечно, получаешь удовлетворение, а если это невозможно,

если перед тобой непробиваемая стена, то ты честно, за деньги делаешь то, что хочет заказчик. То есть или ты делаешь что-то за большие деньги, или работаешь часто бесплатно, но в свое удовольствие. Словом, если тебя ломают и ты должен подстраиваться, значит, тебе платят хорошие деньги.

- А как при этом поддерживать в себе творческий тонус? Человек ведь не машина?

- Нужно уметь себя контролировать, останавливаться и относиться к зарабатыванию денег дозированно. Поработал на сериал – отдохни! В Голливуде на длинных сериалах часто меняют сценаристов, потому что они понимают: авторы просто изнашиваются, не могут долго и продуктивно работать, если идет «выживание последних соков». Их либо меняют, либо переводят на другую работу. А у нас, конечно, нужно самим себя щадить, нужно давать себе периоды на восстановление внутреннего мира и наживание опыта... Если ты не будешь качать мускулы в высоком искусстве, то просто с ума сойдешь. Это счастье, если есть возможность заниматься только высоким искусством, но, увы...

Сцены из спектакля «Доктор»

- Елена, знаю из публикаций, что у вас есть жизненное пространство, где вы занимаетесь только творчеством, где вам никто не мешает. Это необходимое условие для нормального творческого самочувствия?

- Когда этого не было, я уходила в библиотеку. Тогда существовало только маленькое пространство, где жили мама, маленький ребенок – словом, семья, и было, конечно, сложно работать. Но когда из тебя, как говорится, прет, то есть когда ты просто не можешь не излиться на бумаге, то все равно напишешь, в каком бы пространстве не находился. Но если у тебя есть личное пространство, то ты ныряешь в эту тишину, и у тебя есть возможность более плодотворно заниматься только творчеством.

- И близкие мирятся с вашим уединением?

- Они же знают, что мне это необходимо, что иначе я не буду самой собой. Они меня любят и понимают, что это форма, смысл моего, да и любого существования...

- Любят... Любовь окружающих – тоже необходимое условие для творчества?

- Счастливая, несчастливая, сложная, легкая – всякая любовь всегда стимулирует творчество.

- Многие ваши стихи посвящены любви – разной! И пьесы об этом же. Любовь заполняет ваше внутреннее пространство...

- Да... Но вот какой парадокс. Люди в принципе хорошие почему-то часто несчастны и делают несчастными друг друга. И это случается среди тех, кто хочет хорошего, но получается плохо. В этом, мне кажется, проблема.

- А вы-то сами счастливы?

- Да...

Инна БЕЗИРГАНОВА

▲ Гурам Сагарадзе

ПОБЕДА ЛЮБИТ ЗАБОТУ

Гурам Сагарадзе – вице-чемпион Токийской олимпиады-63, двукратный чемпион мира по вольной борьбе, бессменный участник сборной СССР 1961-1969 гг., заслуженный мастер спорта и заслуженный тренер СССР, воспитавший чемпионов, и спортивный руководитель. 20-22 сентября этого года в Будапеште состоялся чемпионат мира по греко-римской и вольной борьбе. Оценить не самое удачное выступление грузинской сборной мы попросили директора физкультурно-спортивного клуба «Динамо» Гурама Сагарадзе, почетного гражданина Тбилиси.

- Гурам Ревазович, как вы объясняете неудачи наших спортсменов на прошедшем чемпионате мира?

- В борьбе всего семь весовых категорий – от 55 до 100 кг. В греко-римской борьбе от Грузии во всех категориях, кроме одной, выступали дебютанты, и, естественно, мы не можем требовать от них больших успехов. Еще одну проблему вижу в чрезмерной сгонке веса спортсменами. Поставлен вопрос о том, чтобы ребята не сгоняли больше 3-4 килограммов. Дело в том, что схватка длится две-три минуты. Правила борьбы полностью изменились. Этот шаг бывший президент Международной федерации борьбы Рафаэль Мартинетти предпринял в ходе борьбы с коррупцией, которая имела поразительные масштабы. Я был недавно на соревнованиях в Болгарии, приятно было смотреть на ребят – ловких, сильных, владеющих арсеналом приемов. Борьба стала очень активной, интересной. Именно поэтому вопрос о том, оставлять борьбу в числе олимпийских видов спорта, отпал после решительных протестов большинства стран.

- А что происходит в вольной борьбе?

- В этом виде у нас выступали как новички, так и испытанные, опытные спортсмены. Особенно хочу отметить Гено Петриашвили. Ему всего 19 лет, но этот юноша еще не раз прославит нашу страну. Высокий, сильный, гибкий, открытый для всего нового. Ему достался в соперники Хаджимурат Гацалов, давний неудобный борец для нашей сборной. Вообще же от большинства мы ожидали медалей. Увы, кому-то помешали старые травмы, кому-то не хватило сил, кому-то попались слишком сильные соперники.

- Борьба – один из древнейших видов спорта ...

- Греко-римская борьба пришла к нам из античных времен, зародившись еще до нашей эры. Великий математик и философ Пифагор был олимпийским чемпионом. Поэтому наш вид спорта никак нельзя исключать из олимпийской программы, хотя были попытки это сделать, но, к счастью, победил здравый смысл. А вольная борьба возникла в США в начале прошлого века. Я убежден, что борьба – божественный вид спорта. Мы встречаем упоминание о ней в Библии, например, в эпизоде борьбы Иакова с ангелом. Более того, двое борцов изображены на стене кафедрального собора Алаверди в Кахетии. В Грузии испокон веков борьбе придавали огромное значение.

- В чем вы видите главные проблемы сегодня?

- Не нужно сгонять много веса, наоборот, нужно менять весовую категорию. Нельзя, чтобы спортсмены сгоняли большой вес и при этом справлялись с возрастающими нагрузками. У нас ведь должно вырасти здоровое поколение. Я сам начинал с 57 кг и закончил в весовой категории 84 кг. А Леван Тедиашвили, двукратный олимпийский чемпион и пятикратный чемпион мира, сменил шесть весовых категорий, универсальный был борец. Ты хорош тогда, когда физически пол-

▲ **Гурам Сагарадзе и Бидзина Иванишвили**

ноценен и психологически здоров, в противном случае теряешь веру в себя.

- *А как обстоит дело с подготовкой нового поколения?*

- Я думаю, что нет правильной методики. Борцы должны тренироваться и в других видах спорта. Должны развивать свое тело, делать его гибким. Мы в свое время и бегали, и по канату лазали. Я сам пришел в борьбу из гимнастики. А наша вода и наш воздух делают свое дело. Разумеется, есть ошибки в работе, но они поправимы.

- *Что было самым трудным в вашей спортивной карьере?*

- По правде сказать, трудного в моей карьере было мало. Я ездил на соревнования с гитарой. И друзья меня были такие. А сегодня у меня есть Зарбег Берашвили и Нодар Хохашвили. Был у меня друг Шота Ломидзе, один из лучших борцов в мире.

- *После ухода из большого спорта вы занялись административной деятельностью.*

- Я председатель Союза спортсменов-ветеранов, мы одна большая семья. Мы думаем о нашей стране, не рвемся в политику, но если понадобится, мы всегда на службе у Грузии.

- *Вернемся к будапештской теме. Какие уроки извлекли на будущее?*

- Думаю, в скором времени состоится встреча в Федерации борьбы, серьезный разговор о проблемах. Я глубоко убежден: в регионах должна развиваться борьба. Она особенно развита в Западной Грузии. Я сторонник того, чтобы в стране работало хотя бы несколько спортивных интернатов борьбы. Единственный пока находится в Тбилиси, в Глдани. А нужно открыть такие же и в Западной, и в Восточной Грузии. Строится Дворец борьбы, который нам обещал премьер-министр Бидзина Иванишвили. Было построено более двадцати залов грузинской борьбы. Но мы хотим залы, оборудованные по современным стандартам, с тремя коврами. А еще я хочу, чтобы наши ребята учились

элементам национальной грузинской борьбы. Посмотрите, дзюдо сейчас расцветает, наша сборная стала чемпионом мира на чемпионате в Рио-де-Жанейро, благодаря из чидаоба.

- *Грузинская борьба всегда стояла особняком в мировом спорте. А сейчас как?*

- Наши борцы всегда были на особом счету. В настоящее время в пятерку лучших на крупнейших соревнованиях входят иранцы, турки, болгары, россияне, американцы. Но и кубинцы, индусы, китайцы, которые никогда раньше не блистали в нашем виде спорта, становятся чемпионами. И все они учатся у нас. Изучают каждое наше движение. А мы, в свою очередь, должны преподнести им сюрпризы, чтобы побеждать.

- *Я знаю, что в самые трудные времена вам помогал наш нынешний премьер-министр.*

- Батони Бидзина Иванишвили – замечательная личность, меценат, гуманный и человеколюбивый. Лично я приветствую его большой патриотизм и талант быть грузином. Этот благо-

родный человек спас тысячи моих соотечественников, будь то спортсмены, творческие люди, писатели, ученые или рядовые граждане, сохранил им подаренную Богом жизнь и человеческое достоинство... Я могу бесконечно говорить и писать о нем. Я знаю о его удивительной скромности. Он не любит, когда говорят о его великих делах. Надеюсь, он не осерчает, если скажу несколько слов о его большом человеческом даре – любви к ближнему, готовности подставить плечо, бескорыстии ...

Уважаемый всеми выдающийся деятель театра Гига Лордкипанидзе писал: «У нас потеряны исконные грузинские земли Самачабло и Абхазия, разрушены наука, культура, образование... И в этих сложных политических условиях появился человек, борющийся за грузинскую культуру и науку, за нашу духовность – Бидзина Иванишвили. Он, как Дата Туташхия, практически один в своей борьбе. А его добропорядочность и щедрость реют знаменем на солнце. Я считаю, что человек государственного масштаба тот, кто построил Собор Святой Троицы и преподнес его точно голубя на ладони, кто спас театры имени Руставели и Марджанишвили...»

Бесконечно прав был в своем мнении батони

▲ С народным артистом Гурамом Сагарадзе

Гига. Но одно он упустил, а возможно, и не знал, что Бидзина Иванишвили – большой друг спортсменов и спорта, на него молятся многие мои коллеги и друзья.

Какое счастье, что у нас есть такой человек, что он рядом с нами, в Грузии, которая для него, как и для каждого грузина, земля мечты, но в отличие от многих, он доказывает свою любовь к стране бескорыстными делами, невиданной благотворительностью. Большое вам спасибо за все, батона Бидзина! Я хочу выразить вам бесконечную благодарность за ту большую любовь, которую вы питаете к нашей родине и народу.

Я с детства был мечтателем. Но вот 1 октября прошлого года наша страна начала новую эпоху своей истории. Мы освободились от беды, которой я даже не могу найти название. Бидзина Иванишвили спас нас от нее, и грузины не могут этого не видеть. Ему может придется пролезть в игольное ушко, чтобы осуществить свои обещания, но я в нем не сомневаюсь. Мы должны стоять с ним рядом, чтобы довести дело до конца. Нельзя столько оппонировать ему со страниц газет и с телеэкранов.

В Грузии будет счастье и радость. И это будет так, потому что он вместе с Католикосом-Патриархом. И совсем скоро, как написано у Серафима Саровского, Грузия будет счастлива. Но нужно время и нужно делать дело. Просто так ничего не произойдет: сельское хозяйство, социальные условия, рабочие места. Постепенно Грузия встанет на ноги.

К нашему разговору подключается чемпион СССР 1960 года по греко-римской борьбе, член сборной Грузии и сборной СССР 1954-1964 гг. **Мераб Гудушаури**.

- Причины нашего временного, я считаю, спада объясняются сменой поколения. Наши известные борцы подошли к определенному возрастному рубежу, к некой критической точке, когда говорить о возможных высоких местах не приходится. Что касается молодежи, то ей предстоит пройти целый цикл ответственных турнирных соревнований, межгосударственных соревнованиях, на которых они могут показать силу, слабые и сильные стороны, свое тактическое ведение схватки, психологическую подготовку.

Мы утратили массовость в занятиях борьбой. В 1950-1960 годах в Тбилиси работали борцовские залы

с 9 утра до 11 часов вечера. Каждому тренеру предоставлялась возможность по 3-4 часа заниматься со своей группой учеников.

Большой урон борьбе был нанесен ликвидацией Тбилисского техникума физкультуры, в который съезжалась молодежь, прекрасно владеющая навыками грузинской национальной борьбы чидаоба. Я уже не говорю о ликвидации Грузинского государственного института физической культуры, где готовили спортсменов, тренеров, судей, спортивных массажистов и работников спортивной медицины.

Раньше мы, борцы, проходили целую школу, выступали в первенстве города Тбилиси с непременным участием титулованных борцов. Одной из сильнейших профсоюзных команд была сборная ГПИ, на первенстве института обязаны были выступать от своих факультетов такие известные борцы, как Ростом Абашидзе, Автандил Коридзе, другие чемпионы мира, олимпийские чемпионы. Аналогичное положение было в СХИ, где боролись я, Мириан Цалкаламанидзе, Шота Ломидзе, за команду университета выступали Давид Гванцеладзе, Вахтанг Балавадзе... Потом первенства

ЦС «Буревестника», «Динамо», «Пищевика», «Локомотива» и т.д., где борцы приобретали бесценный соревновательный опыт, встречаясь с прославленными мастерами ковра, включая олимпийских чемпионов. Где теперь соревнования такого масштаба?

Особо хочу отметить пользу командных соревнований на первенство СССР, где в поединках между собой встречались борцы «Динамо» и армейцы, «Торпедо» и «Зенита», «Локомотива» и «Медика». Победители подгрупп боролись за первое-третье места.

Мы утратили методику тренировок, планирование учебно-тренировочных сборов, соревновательный дух. Как вернуть время, когда наш Тбилисский госцирк не вмещал всех желающих попасть на соревнования?

Считаю необходимым воссоздать клубные команды, такие как некогда существовавшие в каждом институте, входившие в студенческое спортивное общество «Буревестник», в Вооруженных Силах Грузии на базе Минобороны, «Динамо» на базе МВД, «Локомотив» (железная дорога), «Пищевик» (предприятия торговли), «Спартак», «Колмеурне» - обществе, объединявшем сельскую молодежь.

Грузинская школа борьбы обречена давать чемпионов, но она же требует к себе повседневного внимания и заботы.

Нино ЦИТЛАНДЗЕ

ТЕАТР КАК ЧАСТЬ СТРАНЫ

▲ Николай Свеницкий и Эдуард Цеховал

Рижскому русскому театру имени Михаила Чехова исполнилось 130 лет. Поздравить коллег съехались руководители русских театров стран СНГ и Балтии. Не только поздравить, но и поговорить о насущном.

В рамках юбилейных мероприятий директор Рижского театра Эдуард Цеховал и художественный руководитель Игорь Коняев позвали коллег на первую и уникальную в своем роде практическую конференцию «Жизнь русских театров за пределами России». В ней приняли участие художественные руководители, директора и завлиты русских театров из Киева и Таллинна, Вильнюса, Еревана и Кишинева. Главными темами, обсуждавшимися на конференции, стали взаимодействие театров с государственными структурами, экономические аспекты, репертуарная политика русского театра в пространстве и контексте культуры другой нации, подготовка новых кадров.

Грузию на юбилее представляли директор Тбилисского государственного русского драматического театра им. А.С. Грибоедова Николай Свеницкий и художественный руководитель театра Автандил Варсимашвили. Николай Свеницкий выступил с докладом «Тбилисский русский театр имени Грибоедова: уроки выживания, школа сотрудничества, феномен традиций». Он рассказал, что театр со 168-летней историей остался в Грузии носителем живого русского языка, вспомнил, как в лихие 90-е, когда в Грузии не было ни света, ни тепла, ни хлеба, он собрал группу самых энергичных, мобильных артистов. «Мы поставили на сцене Грибоедовского сказку «Принц-Горбун». Я поехал в Москву с просьбой к директорам московских театров: кто предоставит бесплатную площадку для театра. Получил с десяток предложений. Мы играли с аншлагами, и объездили с этой музыкальной постановкой все постсоветское пространство. Так выжил театр. Сегодня театр получает дотацию государства, но живет в основном на личную меценатскую помощь премьеры Бидзины Иванишвили.

Как отметили участники форума, Николай Свеницкий лучше других сформулировал рецепт выживания русского театра за пределами России: «Мы не театр по обслуживанию русских. Мы часть страны под названием Грузия. Иначе мы останемся инородным телом. Грибоедовский театр был воплощением единства, центром

пересечения русской и грузинской культур. Это был особый театр. Феномен Грибоедовского – это феномен русско-грузинских культурных взаимосвязей. И в наши дни 90 процентов публики Грибоедовского – этнические грузины. Они приходят не только увидеть талантливые спектакли, но и услышать русскую речь». Тем не менее, по мнению Николая Свеницкого, Россия должна помогать русским театрам материально. Он рассказал о своем диалоге с одной актрисой, депутатом Госдумы России, которая в ответ на его пожелание заявила: «Россия вам ничего не должна!»

Автор идеи проведения конференции Игорь Коняев обострил проблему: «Кому нужен русский театр за пределами России?» Ответы последовали самые диаметрально различные. Тем не менее, во всех странах постсоветского пространства русские театры продолжают жить и ставить спектакли. Более того, все они без исключения пользуются государственной поддержкой тех стран, в которых находятся. Другое дело, что поддержка эта очень часто выделяется по остаточному принципу. Но гости согласились, что и экономическая ситуация в большинстве государств не самая благоприятная для развития искусств.

Как отметил почетный гость конференции специальный представитель президента России по международному культурному сотрудничеству Михаил Швыдкой, у России есть определенная зона ответственности, которая состоит в том, что мы должны поддерживать своих соотечественников за рубежом, которые хотят иметь русский театр. Должна быть некая программа русских театров.

К юбилею Рижского театра было приурочено открытие нового 131-го сезона. Он открылся спектаклем «Комедиант Господина» по пьесе Михаила Булгакова «Кабала святош» в постановке главного режиссера театра Игоря Коняева. Днем рождения Рижского русского театра считается 2 октября 1883 года. За 130 лет театр несколько раз менял свое название. Изначально он назывался «Театральная труппа антрепренера Лаврова», с 1958 по 2006 годы носил название «Рижский театр русской драмы», после чего был переименован в Рижский русский театр имени Михаила Чехова. В настоящее время в репертуар театра входят русская и мировая классика, а также работы молодых драматургов, спектакли всех жанров. Театр часто и с успехом гастролирует.

Логическим итогом юбилейных торжеств прозвучало предложение Николая Свеницкого о создании Совета руководителей русских театров за пределами России. Эта организация позволит реально решать многочисленные и зачастую совершенно разные проблемы, стоящие перед ними.

Участники конференции единодушно сошлись во мнении, что свою формулу выживания Рижский русский театр продемонстрировал в документальном фильме «Дорога длиной в 130 лет». Драматическая, неровная, полная взлетов, катаклизмов и даже терактов, история русского театра в Риге в общем показала, что во все времена перед театром стояли три проблемы: искусства, финансирования и языка.

Нино ДЖАВАХЕЛИ

МАГИЧЕСКИЙ РЕАЛИСТ

▲ Валерий Харютченко в спектакле «Забывать Герострата»

Он родился на вулкане с видом на океан. Как это произошло?

После войны его отцу, офицеру-артиллеристу, предложили на выбор несколько мест службы.

- Митя, зачем нам ехать в разбомбленный Берлин? - сказала мама, - поехали на Дальний Восток.

Так Харютченки оказались на Курилах.

Оба сына – Валерий и Александр появились на свет на острове Шум-Шу.

Три года жизни он слушал колыбельные под аккомпанемент Тихого океана. Через три месяца после отъезда семьи в Москву территория гарнизона была смыта мощным цунами. О жизни на краю земли в памяти остался только океан.

Теория Льва Николаевича Гумилева о взаимодействии этногенеза и биосферы Земли строится на влиянии ландшафта на личность. Можно долго и заумно объяснять причину различия натур, рожденных на разных широтах, а можно сказать кратко – горы и степь лежат в основе разнообразия горцев и степняков. Вулкан, пусть и потухший, и океан не могли не оказать влияния на судьбу братьев. Старший стал известным артистом. Младший – известным композитором.

Валерию Харютченко от океана досталось ощущение безмерности мира. От вулкана – пульсирующие импульсы из тектонических слоев памяти и внутренние страсти, будоражащие его неумную душу. Они прячутся глубоко внутри и мало заметны для постороннего глаза. Внешне он всегда корректен, выдержан. Типичный чеховский интеллигент. Он обладает идеальной

актерской внешностью, позволяющей лепить из своего лица и тела диаметрально противоположные образы, с минимальными затратами перевоплощаться в самые неожиданные ипостаси.

Кроме того, степняк, переехав в Грузию, не смог не стать отчасти горцем.

Валерий Харютченко не вмещается в обычные рамки. Актер, поэт, мыслящий человек, прилежно наблюдающий за ходом времени, пробуя себя в режиссуре.

ОДЕССКИЙ ДЕСАНТ

Недавно грибоедовцы вернулись с международно-го фестиваля «Встречи в Одессе», в этом году посвященного 100-летию со дня рождения Георгия Александровича Товстоногова. Именно поэтому фестивальной «первой ласточкой» оказался театр с родины Товстоногова – Тбилисский академический русский драматический театр имени А.С. Грибоедова.

Критики отмечали, что гости из Грузии показали увлекательную версию гоголевской пьесы «Женитьба» в постановке лауреата Государственной премии Грузии и премии имени Котэ Марджанишвили Автандила Варсимашвили, удостоили похвалы всех участников спектакля. О Харютченко написали: «Самого Пьера Ришара в ролях влюбленных неудачников заткнул за пояс Валерий Харютченко, он же отставной моряк Жевакин – как красноречиво он напевал, надвигаясь на невесту и отплясывая чечетку: «Эх, яблочко, куда ты котишься?»

▲ Сцена из спектакля «Женитьба»

▲ С Людмилой Артемовой-Мгебришвили в спектакле «Холстомер»

▲ С Ириной Мегвинтухуцеси в спектакле «Убить мужчину»

НАСТОЙКА НА СОВЕСТИ

Вне сцены Харютченко, по-моему, больше всего созвучен с персонажем Фазиля Искандера, который бился над созданием самолета на мускульной тяге. С героем «Стоянки человека» Харютченко роднят верность идее и афоризмы, как нельзя лучше объясняющие его суть. Например, что «мудрость – это ум, настоящий на совести». Умное решение может быть безнравственным, а мудрое – нет. И такой коктейль мало кому по плечу.

В «Кроткой» по Достоевскому сердце его героя разрывается между практичностью ростовщика и нежностью. В «Холстомере» сконцентрирована мировая боль: жертва старается искупить грехи своего мучителя. Сложен и выразителен в его исполнении Иешуа в «Мастере и Маргарите». Комичен майор в детективе по Агате Кристи. Гротесково-драматичный образ создан в спектакле по пьесе Э.Радзинского «Убить мужчину». За плечами Валерия Харютченко десятки классических и современных ролей. Его актерские работы стали визитной карточкой современного Грибоедовского театра.

АНГЕЛ ДЛЯ ТРУДОГОЛИКА

- Мне приходилось слышать от коллег в России: почему ты застрял в Тбилиси, - рассказывает Валерий, - в ответ я перечисляю свои работы. И они говорят: «Да, брат, ты развернулся! Ты выбрал правильный путь».

Тбилисцем Валерий Дмитриевич стал, поступив в Грибоедовский театр после окончания Щепкинского училища, в 1973 году. И вот сорок лет Харютченко – неотъемлемая часть культурной элиты города.

Много лет назад, когда я была шапочно знакома с Харютченко (видела его исключительно на сцене, и был он для меня «актером, то есть существом высшим»), случайно столкнулась с Валерием, спешащим куда-то с шуршащими пакетиками в руках. Оказалось, он бегал на рынок, чтобы купить какие-то особенные продукты и травы для Наталии Михайловны Бурмистровой, которую трогательно опекал в последние годы ее жизни.

Застигнутого в столь необычном амплуа актера я стала про себя называть – «ВаХ!» Несколько позднее он был переименован в «ВХ»: поменяй буквы местами, получится пасхальная аббревиатура. И в том тоже был свой сокровенный смысл. Одержимость профессией помогла ему преодолеть кризис после сложнейшей операции. Даже на больничной койке он продолжал вынашивать свои творческие замыслы. Его мысли и стремления показались интересными Белому ангелу, которого он ясно увидел у своего изголовья. Как бы там ни было, Ангел подежурил в палате и благополучно удалился, а ВХ стал потихоньку набирать форму.

Харютченко не подвержен соблазнам, идущим вразрез с его принципами: отвергает выгодные, но конъюнктурные предложения. Живет он с женой – Инной Безиргановой, человеком творческим и много и интересно пишущим о культуре и театре, в скромной квартирке в центре города.

На стенах – картины, написанные известным художником и другом Олегом Тимченко – белая карусельная лошадка, ставший во фронт солдатик в старинном мундире на фоне дымящихся пушек и рядом с ним поленький ангел с лицом усталого сельского священника, простодушно решает дилемму, куда же девать служивого – отправить прямою к Святому Петру или пусть еще повоюет.

- Я и есть этот самый солдатик, - говорит Валерий Дмитриевич.

Действительно, трудно служить ангелом. Тем более, ангелом-хранителем актера и поэта, привыкшего жить «на разрыв аорты». Он – заядлый трудоголик. Ежели засевшая в голову идея начинает обретать различимые контуры, готов пестовать ее, позабыв о сне и еде.

▲ С Сергеем Параджановым

РЕКВИЕМ ПО ТАРЕЛКИНУ

Актерская концентрация – категория из области алхимии. Как она достигается? Некоторый свет на эту вечную загадку для непосвященных, то есть для нас, зрителей, позволяет пролить эпизод, рассказанный, нет, скорее представленный Валерием о том, как он репетировал, но так и не сыграл Тарелкина. («Смерть Тарелкина» Сухова-Кобылина – пьеса о мелком чиновнике, задумавшем инсценировать свою смерть и исчезнуть вместе с комприматом на своего начальника, а затем шантажом вынудить у того изрядную сумму и зажечь в свое удовольствие. Заканчивается трагикомедия провалом и унижением обманщика).

- Постановщиком был режиссер Давид Цискаришвили, недавно скончавшийся в Иерусалиме, но похороненный в Тбилиси, - вспоминает Валерий. - Приступили к работе на площадке. Первая сцена начинается с большого монолога Тарелкина. Чувствую, что не могу ни двинуться, ни слова сказать. Ступор какой-то! Измучил и себя, и партнершу. Наконец пообещал Дато, что завтра все получится, и пошел домой. Всю ночь терзался, что же я должен такое особенное сделать, чтобы найти этот самый чертов внутренний жест. Только утром охватило радостное предчувствие – решение где-то близко, уже «тепло». Продолжал тыкаться в лабиринте своей души, пока память не выплеснула забытую историю из детства. Она и стала подсказкой. 5 или 6 класс, урок физкультуры, мальчики один за другим тщетно пытаются перепрыгнуть через «козла», больно ударяются о дерматиновую спину коварного снаряда. Девочки сидят рядком на низкой длинной скамейке и хихикают. А среди них та, в которую я тайно влюблен. Нельзя перед ней опозориться! И вот я – один из самых маленьких в классе – вытянулся несколько позднее – разбегаюсь, чувствуя только огромное желание преодолеть «козла», с каким-то остервенением отталкиваюсь от мостика и взлетаю! Казалось, что в этот миг крылья перенесли меня через снаряд – мгновение, и я приземляюсь. Победа! Ребята замерли, я посмотрел в сторону скамьи и ощутил, что та самая девочка тоже в меня влюбилась. Вспомнив тот полет, я понял, что делать с Тарелкиным. В театр шел, как на праздник, или

как на расстрел, вырядившись в новый костюм.

Началась репетиция. Мой Тарелкин уходит в глубину сцены – маленький человек с чудовищными амбициями, решивший себя как бы похоронить. На авансцене стоит гроб – Тарелкин бежит и с ликованием перемахивает через него, преодолевая в себе ужас и одновременно испытывая восторг от своей решимости. Приземляется он со слезами, а затем с сарказмом бросает: «Врете, не дождетесь моей смерти!»

(Валерий подскочил на месте, как бы совершив этот прыжок, и я вижу, что глаза его наполнены слезами).

«Вот так и оставь! Больше ничего не меняй», - закричал Давид. Но я искал дальше и, конечно, менял. Но только не этот прыжок. Жаль, что Тарелкина я так и не сыграл. Когда, оценивая работу актера, выделяют какую-нибудь конкретную роль, накатывают другие персонажи и как будто взывают: «А как же, а я, а я?». Роли – они, как дети, как братья, даже те, которые не увидели сцены. Ведь рождение каждого образа – это и муки, и радость.

БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ

Трижды он был близок к Гамлету.

Сначала эту пьесу собирался поставить Гизо Жордания, но сложилось так, что режиссер осуществил свое намерение в Руставелевском театре.

Но Харютченко был уже настолько пленен принцем датским, что задумывал сделать моноспектакль. И тут Сергей Параджанов загорелся ставить своего «Гамлета».

Начались переговоры, но тогдашний заместитель министра культуры не одобрил эту идею из опасения, что «Параджанов взорвет театр».

Третья попытка «замахнуться на Вильяма нашего Шекспира» принадлежала Гоги Кавтарадзе. К репетициям Харютченко приступил, наполненный мыслями, которые шлифовал во время съемок фильма «Здесь светает», проходивших в высокогорном районе Грузии на озере Паравани. Среди альпийской природы у Валерия, как ему показалось, возникло понимание сакральных глубин образа Гамлета, но в чем-то оно не совпадало с видением режиссера.

- Получается, что несовпадение концепций стоило вам роли? Режиссеры считают вас трудным актером?

- Всегда интересно воплощать замыслы талантливых и близких тебе по духу режиссеров. Но для меня важно быть не только исполнителем роли, но и соавтором. И в этом плане мне везет. Работа с Автандилом Варсимашвили над Булгаковым, Достоевским, Толстым, Гоголем доставила мне настоящую радость.

ПОКОЙ? ДАЖЕ НЕ СНИТСЯ!

- В актерах сидит монстр, который даже в самые страшные минуты горя заставляет запоминать свои ощущения, - говорит Валерий.

После выхода в запас его отец работал инженером, затем стал заместителем директора крупного тепловозостроительного завода в Луганске. Ушел он из жизни в возрасте 59 лет: не перенес инфаркт. В тот страшный день Валерию пришлось «сыграть» свою самую трудную роль: подготовить к удару маму, опасаясь, что она не переживет горя.

- Брат Саша с детства любил музыку. Папа купил ему килофон, и вскоре Саша стал лауреатом республиканского конкурса в Киеве. Поступил в Одесскую консерваторию, затем перевелся в Москву и стал любимым учеником Арама Хачатуряна. В фильме о великом мастре представлены несколько его учеников – среди них Александр Харютченко. Обращаясь к нему, Арам Ильич спрашивает: «Саша, чем вы меня сегодня порадуете?»

Недавно Александр Харютченко с успехом пред-

ставил на суд зрителей свою оперу «Ромео и Джульетта».

А вот уделом Валерия с детства были сомнения: ничего не поделаешь – Весы по гороскопу! Решая, каким спортом заняться, он остановился на пятиборье. А это – джентльменский набор – легкая атлетика, плавание, стрельба, конный спорт и фехтование. Владение рапирой пригодилось и в годы учебы актерскому мастерству, и в искрометной постановке Сандро Товстоногова «Три мушкетера», в которой Харютченко сыграл Арамиса. Навыки верховой езды позволяют ему и сегодня уверенно держаться в седле, что он недавно и продемонстрировал на съемках грузинского многосерийного фильма «Тысяча пять дней независимости», где сыграл командующего XI Армией А.Геккера.

- Как вы угодили в силки лицедейства?

- Однажды забрели с ребятами в ДК и оказались на репетиции народного театра.

- Увяз коготок...

- Подростком играл Тома Сойера в студии, с этого все и началось. После школы поступил в институт искусств во Владивостоке, проучился там два года и переехал в Москву, в Щепкинское училище.

ФОРПОСТ КУЛЬТУРЫ

По убеждению Валерия Харютченко, пресловутые закулисные интриги имеют одну основу – кого-то недооценили, недолюбили. Природа актера такова, что ему, как воздух, нужны любовь и признание. Если нет ролей и нет выхода для эмоций, то происходит беда, с которой мало кому удастся совладать.

- Мне довелось пережить пору простоя в первые годы жизни в Тбилиси. Я страдал, считая, что профессионально непригоден. Впал в панику. На счастье, в Грибоедовский театр пришел Сандро Товстоногов, который дал всем актерам шанс проявить себя. В том числе и мне.

После этапа социальных потрясений огромный шанс предоставил грибоедовцам и Николай Свентицкий, директор Тбилисского государственного русского драматического театра им. А.С. Грибоедова, президент Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб». С его подачи и благословения увидели свет многие постановки. А также феерические театральные праздники и фестивали, которые Н.Свентицкий умеет организовать на высочайшем уровне, подтверждая в непростое время, что Тбилиси остается одним из центров культурной жизни, как магнит притягивающим людей искусства.

На протяжении всей своей долгой истории Грибоедовский театр – звено, объединяющее культурные традиции Грузии и России. В этой связи, невозможно не вспомнить такие постановки Автандила Варсимашвили, как «Сны о Грузии» по русской поэзии XIX-XX веков, «Я, Булат Окуджава», «Маяковский».

«...Дойти до самой сути»

Итак, поэзия. Неотъемлемой гранью творчества Харютченко является умение донести до зрительного зала поэтическое слово. Им был поставлен и сыгран моноспектакль по драматическим произведениям Пушкина «Мне скучно, бес... Чур-чур меня!», ставший одним из лауреатов II Московского международного фестиваля моноспектаклей «Соло». Валерий – автор и постановщик композиций, посвященных Николаю Гумилеву, Борису Пастернаку, другим поэтам.

В исполнении Валерия даже хрестоматийные строки звучат так, будто слышишь их впервые. Доброе старое вино таинственным образом преображает в легкий, пьянящий голову молодой и игривый напиток.

Почему он читает первую строку есенинского «Письма матери», делая акцент на «ты ЖИВА»? И далее «ЖИВ и я, привет тебе, привет»... Все просто,

если знать, что в черные дни тбилисской войны Валерий каждый день пробирался перебежками на Центральный телеграф, чтобы успокоить по телефону мать. Шутил, уверяя, что все спокойно и волноваться нечего. А на проспекте Руставели свистели трассирующие пули...

«Письмо матери» читают лирично, грустно. Харютченко вложил новую, живую интонацию, и знакомые строки обрели иное трагическое звучание.

Очень сложно читать Бродского со сцены. Слишком философично. Харютченко читал, и по тишине в зале было понятно, что ему удалось открыть код поэта. После вечера Майя Бирюкова, редактор тбилисского издательства «Мерани», издавшего гонимого в годы застоя Бродского, заметила: «Бродского обычно постигают разумом, а Валерий Харютченко согрел его еще и сердцем».

В давней постановке «Горе от ума» режиссера Л.Мирцхулава Валерий играл Чацкого. Через пару десятков лет его попросили исполнить избранные места из комедии перед высокими гостями. Сквозь призму времени появилось новое понимание и трактовка образа Чацкого. Валерий читал отрывки из «Горя от ума» в Цинандали, в гостиной с роялем, помнящим прикосновение рук Нины и Александра Грибоедова.

Потом гости перешли на веранду, где звучали до глубокой ночи тосты... Один из гостей отметил: «Я филолог, автор книг о Грибоедове, мне знакомы знаменитые постановки комедии. Сегодня в Цинандали я увидел еще одного Чацкого – светлого и одновременно трагичного. Думаю, таким его и замыслил Грибоедов».

ПРЫЖОК В СВОБОДУ

Его постановку «Мистическая ночь с Сергеем Есениным, или прыжок в самого себя» по формуле Бердяева можно определить как «прыжок из царства необходимости в царство свободы». Спектакль о невозможности для творца земной гармонии, о непомерной цене, которую приходится платить за вдохновение.

В пьесе введены Альтер-эго героя, Ангел, два Типа. В действие влетены стихи Есенина и самого автора, спектакль наполняет духовная музыка Чайковского, Католикоса-Патриарха всея Грузии Илии II, Ги Канчели и Александра Харютченко. «Мистическая ночь» - миг истины, когда приходит время платить по счетам, оживляя в памяти самые острые и болезненные переживания. В постановке в единый узел сплелись фантазии и реальность, высокое и низкое, добро и зло. Это сплав нравственных исканий, размышлений и эмоций.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

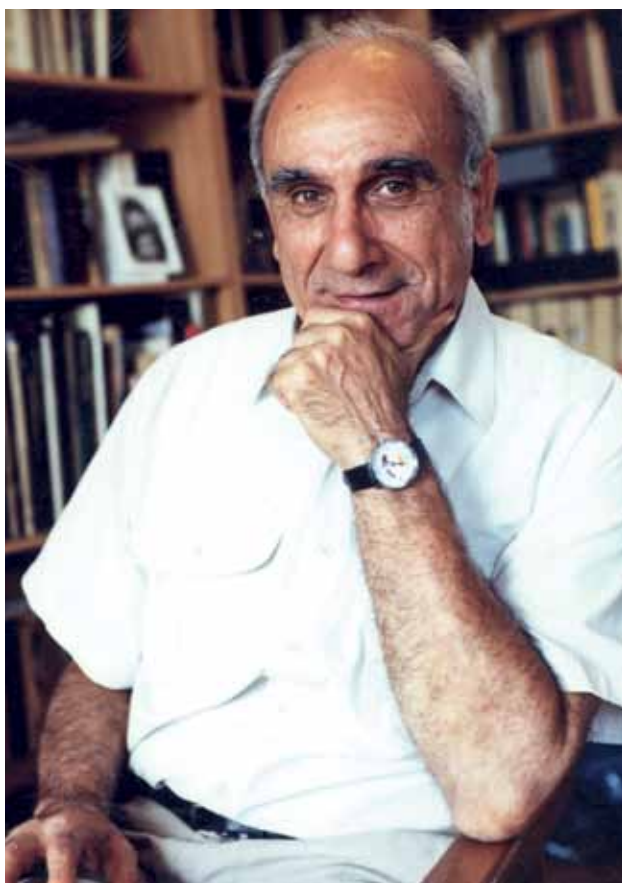
Образы его героев – святые и злодеи, драматические и комические персонажи, а также лошади, коты и даже рыбы, в которых он перевоплощается на сцене. Не будем вспоминать всех героев, сыгранных Валерием, а напомним о циничном вожаке подростков Володе из пьесы Людмилы Разумовской «Дорогая Елена Сергеевна» про учительницу, ставшую заложницей собственных учеников. После пламенного монолога наглеца и мерзавца в зале неожиданно раздался аплодисменты. Кто-то из зрителей не выдержал: «Кому вы хлопаете?» - «Артисту, конечно!» - прозвучал ответ. Вулкан, океан, весы...

На одной чаше любовь зрителя, аплодисменты, признание, грузинский орден Чести и российский орден Дружбы. На другой – замыслы, мечты, поиски и работа, всегда начинающаяся с чистого листа. Жизнь продолжается. Продолжает свою жизнь и театр, в котором важнее всего нести людям смысл и надежду. И другой мир Валерию не нужен.

Ирина ВЛАДИСЛАВСКАЯ

▲ «Это – регби». Фото Александра Саакова

▲ Гиви Мрелашвили

РЫЦАРИ ОВАЛЬНОГО МЯЧА

Из спортивных игр регби – наиболее увлекательное зрелище. Не спешите опровергнуть это мнение. Оно принадлежит англичанину Бобби Чарльтону, чемпиону мира и лучшему футболисту Европы 1966 года.

Обратим внимание на другого шестидесятника – Гиви Мрелашвили, посвятившего регби без малого всю жизнь.

В конце пятидесятых он учился в Московском инженерно-экономическом институте, играл за его баскетбольную команду. После одной неудачной игры рассказал однокурснице о решении уйти из баскетбола и услышал от нее об аналогичном случае, когда ее знакомый по той же причине бросил хоккей, поменял на какую-то регби, от которой сходит с ума. Им оказался будущая «звезда» регби тех лет, Сергей Селиховкин. Гиви связался с ним и получил приглашение посетить тренировку на армейском стадионе в Лефортовом парке.

Так, в середине июня 1959 года Гиви пришел на первую тренировку, где познакомился с тренером Ана-

толием Сорокиным, отцом советского регби, и с игроками-пионерами возрождения регби в Союзе Сергеем Селиховкиным, Евгением Антоновым, братьями Нагорными и Григорьянц...

Вскоре Гиви уехал на летние каникулы в Тбилиси, и вкус к новой игре по-настоящему почувствовал только по возвращении, в конце августа, когда Анатолий Алексеевич предложил, кроме тренировок, заняться с ним организационным вопросом – развитием регби в столице. Стадион в Лефортово в то время был единственной ареной, где тренировались регбисты. Сорокин принадлежал к поколению, которое дружило с овальным мячом до войны и в послевоенные годы, вплоть до пятидесятого, когда власти запретили регби, как буржуазный вид спорта.

Положение изменилось к лучшему после хрущевской «оттепели», и этому в большой степени способствовал шестой Всемирный фестиваль молодежи и студентов 1957 года в Москве, в программе которого проводился турнир регби с участием сильнейших зарубежных команд Румынии, Франции, Англии и других.

Для Гиви Мрелашвили симптомы заболевания регби появились много раньше – после просмотра ирландского фильма «Школа ненависти», а с новой силой вспыхнули на фестивальном матче Чехословакия-Уэльс. К тому времени Мрелашвили играл в составе институтской сборной на первенство Москвы по баскетболу, но понял: пора отложить в сторону круглый мяч и взяться за овальный.

Он и Анатолий Сорокин принялись за организацию команд в столичных институтах и на предприятиях, в обществе «Буревестник» вместе создали организаци-

▼ Гиви Мрелашвили и Анатолий Сорокин. Вильнюс. 1961

онное бюро регби.

На тренировке в Лефортово Анатолий Алексеевич сообщил, что кроме них, занимающихся, есть студенческие команды в Николаеве и Воронеже – соответственно педагогического и лесотехнического институтов, созданные по инициативе обучавшихся там студентов из Румынии.

Вот тогда задумали и провели 1-5 октября 1959 года первый послевоенный турнир по регби с участием студенческих команд Московского высшего технического училища им. Баумана (ее кафедра физкультуры была инициатором создания регбийных команд), «базовой», укомплектованной исключительно студентами-баумановцами и тренируемой Сорокиным, Московского авиационного института, усиленной игроками других столичных вузов, а также сборных воронежцев и николаевцев.

Первые два круга показали: иногородние коллективы стали легкой добычей москвичей, а вот третий, заключительный, заставил поволноваться А.Сорокина. К общему удивлению, команда МАИ (за нее играл Гиви Мрелашвили), до этого уступавшая своим основным соперникам во всех спарринговых встречах, надолго захватила инициативу и повела в счете – 11:3. Им удавалось все – атака слева, атака справа, классные вееры, «кресты», комбинации. Удача пришла к МВТУ за пять минут до окончания встречи – штрафной, реализованный с очень трудной позиции, и фантастический индивидуальный занос Сергея Селиховкина на последней минуте встречи, с последующей реализацией «попытки» позволили сравнять счет – 11:11. Ничья оказалась в пользу команды МВТУ, она заняла первое место по лучшему соотношению мячей.

Противостояние двух столичных команд началось на этом историческом турнире и продлилось десять лет, во многом способствуя развитию регби в стране.

После открытого первенства Москвы решили провести первый всесоюзный семинар в Адлере. Гиви позвонил председателю общества «Колмеурне» и предложил командировать игрока лело, чтобы он познакомился с азами регби. У спортивного общества денег на командировку не нашлось. Мрелашвили понял: культивировать британскую «дыню» надо на месте, в Тбилиси.

По первому зову приехал Анатолий Сорокин. Дом Гиви Мрелашвили на улице Клары Цеткин стал штаб-квартирой его единомышленников Джемала Берадзе, Гии Чечелашвили, Нодара Кипиани, Отара Догондзе, Гоги Купарадзе, Гии Цурцумия, Гоги Тония и многих других. Было написано Положение о проведении игр, расписаны условия пошива формы, выполнен раскрой оранжевых мячей – из Тбилиси они покатались по городам и селам. К дереву у входа в штаб-квартиру лепили объявления о приеме в секцию. Сняли тележурнал «Это – регби» и показывали его в кинотеатрах перед началом сеансов. Не ограничились этой «ловлей душ», вспомнили московский опыт, пошли по предприятиям, расширяя круг энтузиастов, не всегда встречая понимание. Один директор завода даже спросил, где можно достать музыкальные инструменты, полагая, что речь идет об эстрадном ансамбле вроде «Рэро» и «Орэра».

Познакомился Гиви и с репатриантом из Франции Жаком Аспеяном, регбистом и велогонщиком. Дела пошли веселее. Организовали сообща первые команды в ГПИ, авиазаводе, СХИ... За ними потянулись другие.

В те далекие годы доминировали динамовцы, их превосходство над соперниками было подавляющим:

▲ «Золотые старики» - ветераны регби Грузии. Первый ряд: Ромео Гвиниашвили, Гиви Мрелашвили, Гия Чечелашвили, Ираклий Кизирия. Второй ряд: Юза Нацвлишвили, Тамаз Андгуладзе, Давид Тактакишвили, Мурад Топуридзе, Темури Джорджадзе

первый чемпионат Грузии в 1967 году они выиграли с рекордной разницей забитых и пропущенных мячей – 167:0!

Первая поездка динамовцев в Москву и Прибалтику. Первая международная встреча в Варшаве – с 6-кратным чемпионом Польши клубом строителей СКРА, одним из сильнейших в Европе, проводилась в канун 50-летия Октябрьской революции. Об этом им напомнили перед отъездом в форме, не терпящей возражения. Но у тбилисцев собственная гордость, проигрывать в гостях было не к лицу, и они выиграли, изувив специалистов.

Уважив просьбу Мрелашвили, первый чемпионат СССР по регби в 1966 году провели в Тбилиси. Динамовцы (Гиви был играющий тренер) заняли второе место, уступив регбистам МВТУ. Но опередили московских динамовцев, спартаковцев Киева и Ленинграда и земляков-железнодорожников.

Этот большой успех убедил, что в Грузии регби имеет глубокие корни: стойкими оказались гены лело-бурти и пришлось по характеру грузин этот рыцарский, королевский вид спорта.

...Пришедшие на матч Грузия-Португалия розыгрыша Кубка наций европейских стран в марте 2001 года не могли не обратить внимания на невысокого, крепко сбитого человека, в котором нетрудно было распознать бывшего регбиста. И выглядел он много моложе своих лет. Сидел в тесном окружении ветеранов регби, и хотя события на поле развивались по захватывающей дух интриге, появление на трибуне тбилисского стадиона гостя на Франции Жака Аспекяна не осталось незамеченным. Около сорока лет назад он вернулся во Францию, где родился и жил в Марселе вместе с супругой Заирой Гурамишвили, родственные узы которой восходят к княжескому роду Цицишвили; она родственница Ольги Гурамишвили, супруги Ильи Чавчавадзе. У Жака

и Заиры два сына. Жерар на тот период возглавлял крупную коммерческую фирму, Морис работал в Департаменте полиции Франции.

Жак многие годы не прерывал связи с Грузией, живо интересовался событиями, и не только спортивными. В 2000 году он пересек пол-Франции, чтобы встретиться с грузинскими регбистами, прибывшими на ветеранские соревнования, обещал приехать в Тбилиси, где в 1950-1960 годах принимал участие в соревнованиях, бил рекорды на треке, вместе с другими энтузиастами регби создавал команды, был играющим тренером, нашел в Грузии много друзей и последователей.

«Приезд Жака напомнил наши молодые годы», - говорит мне Гиви Мрелашвили. Сам Жак вспоминал, как он с группой ребят-шестидесятников собирались на первые игры в 1960 годах, как им чинили препятствия на этом пути. Было проведено множество мероприятий, которые стараниями, талантом десятков энтузиастов позволили сделать Тбилиси вторым (после Москвы) центром регби в стране.

Что касается официального рождения, то известна точная дата – 1 декабря 1961 года, когда Спорткомитет г.Тбилиси утвердил Федерацию регби, председателем избрали Гиви Мрелашвили, заместителем – Жака Аспекяна. Учредительное собрание курировал известный спортивный деятель Георгий Шарашидзе.

Знаю Гиви Георгиевича не один десяток лет, а все не перестаю удивляться феномену его популярности в этом спорте настоящих мужчин и интеллектуалов, - синтезе таких его видов, как легкая атлетика, борьба, баскетбол, плюс мужество и воля бойца.

Играл он сравнительно недолго, но с наибольшей пользой для команды. Со дня основания сначала городского оргбюро, а потом и республиканской федерации оставался самой заметной фигурой в грузинском регби. Наиболее полно его талант лидера и организа-

тора раскрылся на тренерской работе – в тбилисских командах «Динамо», «Гантиади», «Спартак». Первым в стране вместе с Анатолием Сорокиным стал заслуженным тренером и судьей всесоюзной категории, а когда в 1977 году по инициативе Гоги Купарадзе в Грузинском институте физкультуры, впервые в Советском Союзе, была открыта специализация регби, вел курс.

Иракий Кизирия, виртуоз овального мяча, регбист международного класса, вспоминал: «Гиви Мрелашвили создал в Грузии эпоху регби. В 60-е годы этот вид спорта у нас только внедрялся, и у его истоков стоял этот в высшей степени образованный, энергичный человек, патриот, прививший моему поколению любовь к мужественному виду спорта. Будучи немногим нас старше, он проявил необыкновенный талант воспитателя, удивительный такт в общении, что сыграло огромную роль в становлении нас как личностей. В 60-е годы он не только подготовил регбистов, но и вырастил плеяду деятельных патриотов, полезных стране людей. Я особо подчеркиваю это обстоятельство: сегодня Грузии, как никогда, нужны профессионализм Гиви, его высокие качества, патриотизм и готовность бескорыстного служения стране».

Это было сказано в октябре 1999 года, когда Гиви Мрелашвили как независимый беспартийный мажоритарий выдвинул свою кандидатуру в члены Парламента Грузии по Чугуретскому избирательному округу. К сожалению, не удалось ему «провести лело» в Парламент.

Профессионализм Гиви Мрелашвили, инженера-транспортника и знатока банковской работы, проявился в конкретных делах. Кавалер ордена Чести (он первый из регбистов удостоен этой высокой награды), вице-президент Союза ветеранов регби уверен в завтрашнем дне отечественного регби, его выходе на мировую арену: «Популярность регби велика, о чем не мечталось полвека назад. Регби в Грузии состоялось и, главное, она стала регбийной страной. Чтобы лучше проникнуться значением этих слов, завоеванным в последние годы авторитетом в международном сотрудничестве, нисколько не преувеличивая, это явление можно назвать историческим. Дело в том, что, несмотря на большое количество стран, входящих в международные организации нашего вида спорта, в отличие от футбола, чисто регбийных стран можно пересчитать по пальцам. Мы по рейтингу находимся в начале второй десятки, но даже опережающие нас Италия и Аргентина, имеющие более сильные сборные, регбийными назвать нельзя, ни сегодня, ни в далеком будущем они таковыми не станут. Успехи этих стран, как и Румынии, достигнуты за счет одного-двух поколений энтузиастов, влюбленных в регби. Об «идеологии» регбийной страны я писал еще в 1963 году в журнале «Дроша», в статье «Грозный соперник футбола» о том, как со мной поделился мнением высокого ранга английский спортивный чиновник. По его словам, Грузия произвела фурор в мировой семье регби. Он, как и другие фанаты этого вида спорта, разделяют мир на две части: регбистов и нерегбистов. По этой ментальности и мировоззрению в мировом сообществе регби, после развала Союза Грузия на огромном пространстве (Россия, Турция, Иран, ближняя Европа, далекая Азия и многие другие страны), правда, маленькой точкой, но предстала неожиданно определившейся регбийной страной, как грузины – регбийной нацией. В той же статье я отмечал возможность того, что в свое время лело, облаченное в чоху-архалук, посетило Европу, откуда после долгого

отсутствия наряженное в смокинг вернулось к нам зад. Кто знает, может так оно и было. Факт, что сегодня о наших регбистах можно сказать точно также, как о британцах говорят, что у них при слове «регби» загораются глаза, что происходит с человеком при произнесении слова «родина». Благодаря грузинскому гену и природе, наше регби получило несравненных мастеров. Среди них Иракий Кизирия был, есть и остается избранным гроссмейстером №1. Его безграничная любовь к регби, преданность, романтизм, сохранение спортивной формы и, что самое главное, профессионализм высшего класса – залог сегодняшних успехов наших регбистов, и он войдет в историю грузинского спорта, как Нона в шахматах, Санеев в легкой атлетике, Пайчадзе в футболе, Пхакадзе в велоспорте... Таким образом, грузинское регби раз и навсегда утвердилось в мировой элите. Что касается вопроса, когда наши замечательные атлеты смогут войти в список топ-стран и бороться за наивысшие места, ответить на него очень сложно – проблемы связаны в один большой узел в нашем обществе, разурбит его регбистам не по силам без нас, или все зависит от этого общества, то есть от нас с вами. Успехи сборной, будь то в футболе, баскетболе или регби, развиваются по своеобразной, странной и простой формуле: сборные тех стран, где зритель не ходит на внутренние соревнования, или общество не полностью включено в этот процесс, и где

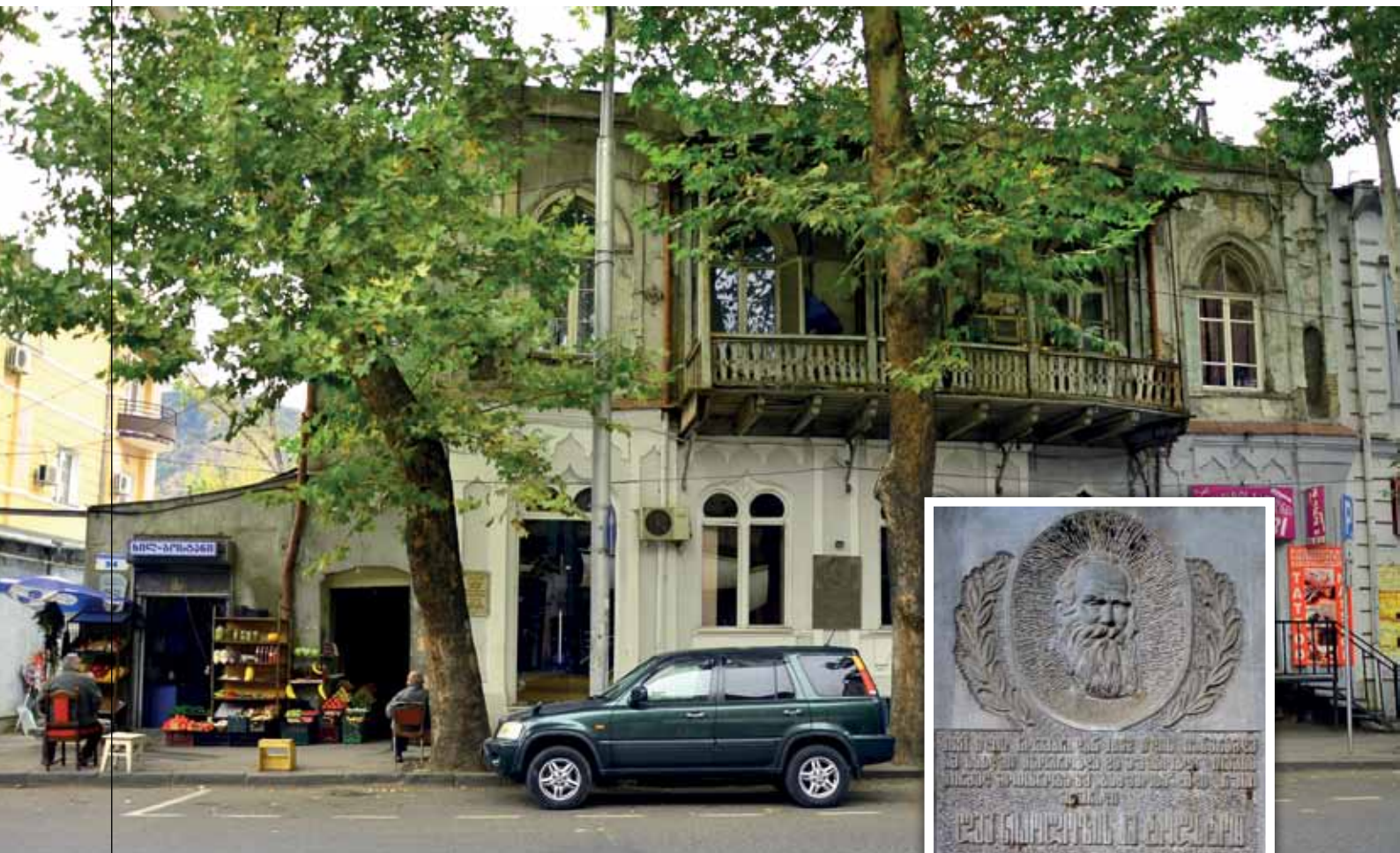

▲ С Жаком Аспекианом. Тбилиси. 2001

на местных играх пустуют трибуны стадионов, или пока регби не станет подлинно народным зрелищем, даже в условиях достаточного финансирования, о больших успехах не приходится и думать».

Стоит прислушаться к мнению этого человека, председателя Федерации регби Грузии (1971-1973), члена президиума Федерации регби СССР и Международной федерации, включенного с Анатолием Сорокиным и Борисом Егуповым в Б.С.Э. как родоначальник отечественного регби, а еще – в Грузинскую Советскую Энциклопедию. Его имя вписано в спортивный сборник «Британники» - универсальной Британской Энциклопедии, издаваемой в Лондоне, в трехстах миллионах от города Регби, где в 1823 году учащийся местного колледжа Уильям Эллис, играя в игру, похожую на современный футбол, схватил мяч руками и, увертываясь от соперников, приземлил его за чужими воротами.

Арсен ЕРЕМЯН

▲ Дом на проспекте Давида Агмашенебели, 52

«Я трогаю старые стены...» Тифлис: удивительные встречи

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Каждый город, если присмотреться, решен в особой технике живописи. Акварельна весенняя Москва, строго графичны Вильнюс и Рига, сквозь пастель проступает Питер, хохломой расписаны Суздаль и Владимир... А Тбилиси – это, конечно же, масло. Сочные, небрежные, дерзкие мазки. «Сейчас я понимаю, что такое масляная живопись, - писал художник Павел Челищев. - Это любовная история между мной и данным полотном». В нашем случае – между Тифлисом и теми, кто здесь жил или просто бывал. Что же помогает этим мазкам не гаснуть со временем? У Иосифа Гришашвили – свой ответ: «А видел ли, какой олифой старинный выкрашен Тифлис?» Да, олифа, словно память, сохраняет краски, не дает им потускнеть. И все же я дерзнул поспорить с замечательным певцом Тифлиса:

*Ну, разве олифой покрыли
крутых переулков дома,
Полонского и Гришашвили
сводившие ночью с ума?*

*И краской, слегка разведенной,
сумеет ли выкрасить кто
резные пролеты балконов,
что помнят Котэ и Кето?*

*Я трогаю старые стены –
палитру тепла и добра.
Их краски вовеки нетленны.
Как небо. Как свет. И Кура.*

*Из окон, которым не спится,
на строек бетон и песок
короткою ночью ложится
надежды неясный мазок.*

*Потом, когда дел под завязку
и время торопит, свербя,
дома окунаются в краску
упорства и веры в себя.*

▲ С братом Николаем (справа) по дороге на Кавказ

*А вечером, в двориках тесных,
над старым соседским столом,
плывут разноцветные песни
о будущем и о былом.*

*Цвет памяти и откровенья
несут над Курюю плиты.
Лишь черная краска забвенья
чужда переулкам крутым.*

*Я трогаю старые доски.
И вдруг представляю легко,
как рядом дымит папироской
небритый художник Нико.*

Картины Нико Пиросмани давно уже перекочевали с тбилисских стен в лучшие музеи мира. Давно уже стали классиками живописи, литературы, музыки и театра те, кто жили в этих стенах. Как истинный мастер смешивает краски, так и Тифлис тщательно и вдохновенно расцвечивал истории горожан и их гостей, дарил удивительные встречи. Ведь он так умеет замешивать человеческие судьбы и давать им такой расклад, что мы уже не удивляемся, сколько знаменитостей, в том числе и русских, сделали здесь свои первые творческие шаги, сколько черпали здесь вдохновение...

Считается, что камни могут «говорить», а стены «имеют память» обо всех событиях, свидетелями которых они стали. Перефразируя Джерома Клапку Джерома, можно сказать, что память подобна дому, в стенах которого постоянно раздаётся эхо от невидимых шагов. В окнах мелькают тени, а рядом с ними

– призраки нашего былого «я». Но чтобы увидеть и услышать их, надо захотеть. Ведь говорят же в народе: «Стены имеют уши, а многие уши – стены». И если кому-то хочется не слышать прошлое и думать, что все замечательное началось лишь с его поколения, он не прибавит себе величия, но и не сотрет величия былого. Просто не услышит, не увидит.

А мы... Мы «добавим олифы», освежим память, прикоснемся к старым доскам. И они благодарно откликнутся, они начнут свой рассказ...

ВСТРЕЧА ПЕРВАЯ

Как мы вспоминаем своих ушедших друзей, так и тбилисские стены, в первую очередь, припомнят дома, которые стояли по соседству, и которым не суждено было дожить до наших времен. Вот, например, дом, некогда окруженный садами там, где сейчас двор №52 на проспекте Давида Агмашенебели. Посмотрим на это место глазами молодого русского дворянина, избравшего по приезду в Тифлис квартиру для проживания: «Я живу в Немецкой колонии, это предместье, но оно представляет для меня две большие выгоды. Во-первых, это прелестное местечко, окруженное садами и виноградниками, так что здесь чувствуешь себя более в деревне, чем в городе... Второе преимущество это то, что я плачу здесь за две довольно чистые комнаты пять рублей серебром в месяц, тогда как в городе нельзя бы было нанять такую квартиру меньше, чем за 40 р. сер. в месяц». Таков взгляд графа Льва Толстого из 1851 года.

Как это так, - могут удивиться: многие, - граф, а прельщается дешевой квартирой?! Что ж, и у «графьев» бывают материальные затруднения. Именно они – немаловажная часть того душевного кризиса, который и приводит Льва Николаевича на Кавказ. Впрочем, с кризисом этим будущий великий писатель, не был оригинален. Та же причина заставила немало русских литераторов стремиться в край, ставший для них символом вольности и свободомыслия, романтики и живописности. Да, в первой половине XIX века многие считали его «погибельным» - там шла война, да еще с народами чуждой для россиян ментальности. Но зато какое поле деятельности открывалось вдали от душивших имперских ограничений и условностей! А еще Виктор Шкловский напомним нам: «На Кавказ ехали добиваться чина коллежского асессора чиновники-недоучки и там заселяли скромными памятниками тифлиские кладбища. На Кавказ посылали ссыльных поляков, слишком влиятельных вельмож и поэтов-неудачников». В общем, Толстого ждали любопытные встречи...

Что же, помимо нехватки денег, порождает душевный кризис у молодого, отлично образованного, полного сил дворянина-помещика, которого не покидают благие намерения и замечательные планы? А дело в том, что все его самостоятельные шаги оказываются неудачными. Это и рутинная канцелярская служба в Тульском губернском управлении, и провалившаяся попытка облегчить положение крепостных в своем имении, и светская жизнь, вылившаяся в карточные игры с огромными долгами и в кутежи. А еще необходимость подтвердить свое графское происхождение: соответствующие документы сгорели у деда в московском пожаре 1812 года и их надо «выправлять» заново в Герольдии. Правда, в то же время Толстой уже начинает писать. Однако «Историю вчерашнего дня», его первую литературную вещь, мы сможем прочесть

*Про всех вас
На Кавказ,
И здорова ль
Молодцова?
Одолжите
Льва Толстого.*

Оказавшись среди лихих офицеров, он не остается в стороне от их жизни – и в схватке с горцами участвует, и в карты вовсю играет. Один из проигрышей настолько крупный, что Толстой даже подумывает продать Ясную Поляну. Но потом решает поправить дела, поступив на службу. Ведь пока что он лишь волонтер, доброволец, а возвращаться с Кавказа без хорошего чина или без ордена – позор: «Я твердо решил остаться служить на Кавказе. Не знаю еще, в военной службе или гражданской при князе Воронцове, это решится в мою поездку в Тифлис». В этот город, в штаб Отдельного кавказского корпуса, Лев отправляется опять-таки с Николаем – у того отпуск.

Поселившись в Немецкой колонии, да еще столь удачно и для души, и для кармана, Лев Николаевич полон радужных надежд: ну, какие препятствия в устройстве на военную службу могут быть для графа, имеющего среднее образование, не замеченного в связях с тайными обществами, брата фронтового офицера? Уже на следующий после приезда день, 2 ноября, принаряженный, в прекраснейшем настроении, он предстает перед начальником артиллерии корпуса Эдуардом Бриммером. Генерал с поистине немецкой тщательностью и вежливостью изучив поданные ему документы, дает отказ. Среди бумаг нет подтверждения об отставке с гражданской службы и свидетельства из Герольдии о графском звании. Так что, надо ждать, пока они придут из России.

Ожидание растягивается более чем на два месяца. И Тифлис может быть только благодарен этой волоките за то, что она прибавила к его славе звание одного из толстовских мест. Самому же графу такая задержка досадна, тем более что брат Николай, у которого закончился отпуск, уехал. Но намерения Льва Николаевича не меняются: «Что же касается моих дальнейших планов, то ежели я не поступлю на военную службу, я постараюсь устроиться на гражданскую, но здесь, а не в России, чтобы не говорили, что я баклуши бью. Во всяком случае, я никогда не буду раскаиваться, что приехал на Кавказ». Не приходится раскаиваться еще и потому, что город, в котором приходится ждать решения своей судьбы, ему нравится. Граф считает его «очень цивилизованным», удачно подражающим Петербургу: «Избранное многолюдное общество. Есть русский театр и итальянская опера, которыми я пользуюсь настолько, насколько мне позволяют мои скудные средства».

Давайте обратим внимания на последние слова. Судя по ним, Лев Николаевич очень ограничен в деньгах. Да и во многих письмах и братьям и любимой тетушке Татьяне Ергольской он жалуется на безденежье, на то, что не хватает даже на доктора и аптеку. Но если приглядеться к образу его жизни в Тифлисе, то можно еще раз убедиться, насколько все в этом мире относительно. Действительно, доходов у приезжего нет, Николай, уезжая, оставил не очень большую сумму, займы просить не у кого. Но в то же время денег хватает не только на то, чтобы побаловать себя десятирублевой модной шляпой, но и на игру – на этот раз на бильярде, где он постоянно и крупно проигрывает плутовато-

лишь через 74 года, в юбилейном издании. До нее Толстой начинает работать и над историей своего детства, но для того, чтобы увидеть, чем закончилась эта работа, нам надо оказаться уже в Тифлисе.

В общем, Лев Николаевич принимает предложение старшего брата Николая – отправиться вместе с ним на Кавказ, где тот служит в звании подпоручика. Отъезд напоминает бегство: не подано прошение об отставке, не выправлен паспорт, не окончены «графские дела» дела в Герольдии, не извещена любимая московская тетушка, даже не уплачено французу-португальцу за нарядный костюм. Который, кстати, впервые будет надет в Грузии. Неясна и сама цель поездки – то ли просто попутешествовать, то ли оказаться в действующей армии, то ли поступить на гражданскую службу в Тифлисе. Но все детали отступают на второй план, тарантас с братьями выезжает из Ясной Поляны – вон из привычной жизни!

На Кавказ Толстые приезжают 30 мая 1851 года. Станица Старогладковская, укрепление Старый Юрт, крепость Грозная. Старший брат занимается своими военными делами, младший начинает тосковать по родине. А в одном из его писем, подтверждающих это, мы прочтем... стихи. Чего-чего, а уж этого трудно ждать от того Толстого, который живет в нашем представлении. И тем не менее шуточные строки отправляются в Казань:

*Господин
Оголин!
Поспешите
Напишите*

му маркеру. А это, согласитесь, далеко не «предметы первой необходимости»...

Но не будем забывать, что перед нами – отнюдь не тот умудренный жизнью и поучающий праведности старец, каким мы знаем Толстого по его последним годам. В Тифлисе – совсем молодой человек, ему лишь недавно исполнилось двадцать три. И всю свою сознательную жизнь он привык чувствовать себя баринном, позволяющим себе делать то, что захочет. А тут и сумма, которой он может распоряжаться, по-прежнему не соответствует графскому титулу, и приходится быть в роли просителя, зависящего от чужой воли. Конечно же, все это мучает его: «Надо сознаться, что мне не везет во всем, что я предпринимаю».

Отдушину он находит в занятии литературой: «Не знаю, появится ли когда на свет то, что я пишу, но меня забавляет эта работа да к тому же я так давно и упорно ею занят, что бросать не хочу». Это о повести «Детство», писать которую Толстой начал еще до приезда в Тифлис. Именно в Немецкой колонии на берегу Куры проделана основная работа над первым опубликованным произведением Толстого. Переделывается вся предыдущая редакция, повесть разбивается на главы с краткими подзаголовками, появляется много новых вставок. Пройдут года, и литературоведы будут тщательно изучать каждую деталь этой тифлисской работы, но тогда Лев Николаевич настоящим литератором себя и не мыслит, главное для него – получить, наконец, разрешение на военный мундир и отправиться в горы.

Он привык к широкому общению и мается без круга друзей: «Здесь в Тифлисе у меня три человека знакомых. Больше я не приобрел знакомств, во-первых, потому что не желал, а во-вторых, потому что не имел к тому случая – я почти все время был болен...» Трое знакомых за два месяца жизни в таком городе, как Тифлис действительно маловато. Поэтому к ним стоит присмотреться. Один из них – «помощник аптекаря, разжалованный поляк, презабавное создание», общение с которым помогает скрашивать повседневность. Другой – из совсем иных слоев общества: генерал-майор, командир 20-й пехотной дивизии, «исправляющий должность начальника левого фланга Кавказской линии», князь Александр Барятинский. С ним Толстой встретился еще в северокавказском военном лагере, очень надеялся на его помощь в устройстве своих дел в Тифлисе, но не дождался. И поэтому не без ехидства иронизирует: «Я уверен, что к. Барятинский никогда не вообразал, в каком бы то ни было списке, стоять рядом с помощником аптекаря, но вот же случилось».

А вот встреча со знакомым еще по Петербургу князем Георгием Багратион-Мухранским оказалась, что называется, судьбоносной. Мало того, что «очень важный грузинский князь... очень добр» и часто навещает Толстого во время болезни, он вводит гостя в блистательный салон Чавчавадзе. Отец этого князя – предводитель дворянства, соратник знаменитого поэта-генерала Александра Чавчавадзе и на поле брани, и в дворянском депутатском собрании. И Толстой появляется в доме Чавчавадзе, где гостеприимные традиции после смерти хозяина хранит его дочь Нина, вдова Александра Грибоедова. Со многими замечательными представителями грузинской культуры мог встретиться Лев Николаевич в этом доме – с писателем, драматургом и общественным деятелем Георгием Эристави, историком и философом Платоном Иоселиани, публицистом и политическим деятелем Дмитрием Кипиани...

А еще именно там он знакомится с красавицей-кня-

гиней Мананой Орбелиани, у которой был свой знаменитый литературный салон, где собиралась передовая молодежь, читались произведения грузинской, русской и западноевропейской литературы. Там даже возникла ставшая реальностью идея создания журнала «Цискари» и первого грузинского театра. Мы можем увидеть Манану Орбелиани на страницах толстовского «Хаджи-Мурата» среди гостей звонкого обеда у наместника Кавказа князя Михаила Воронцова. И она, и генерал-штаб-доктор Кавказской армии Эраст Андреевский – вполне реальные лица. В повести в деталях описываются и сам обед, и приемная комната Воронцова. Все это уже свидетельство того, что Толстой имел возможность познакомиться с жизнью тифлисского света и чиновничества.

И еще о «Хаджи-Мурате». Рискну предположить, что эта повесть могла бы вообще не появиться, если бы человек, имя которого она носит, не объявился в Тифлисе в то же самое время, когда там находился Толстой. Вот письмо брату Сергею 23 декабря 1851 года: «Ежели захочешь щегольнуть известиями с Кавказа, то можешь рассказывать, что второе лицо после Шамиля, некто Хаджи Мурат, на днях передался русскому правительству. Это был первый лихач (джи-

▼ Памятник в Мухровани

▲ Тифлис середины XIX века

гит) и молодец во всей Чечне...» Проходит полвека, и изуродованный, чудом уцелевший на вспаханном поле репей напоминает уже знаменитому писателю отважного горца, чье появление переполошило весь Тифлис. Вспомнив этот случай из своей молодости, Толстой и начинает собирать материалы для повести...

Ну, а тогда, в 1851-м, Багратион-Мухранский не только «выводит в свет» Толстого. Князь активно берется помогать в поступлении графа на военную службу. Год-то уже заканчивается, а никакого продвижения нет. Тщательно-вежливый генерал Бриммер, на которого так надеется Толстой, не принимает его, сказавшись больным. О дальнейшем – слово самому Льву Николаевичу: «От него, не предвидя конца этому делу и злясь на всех, я отправился к князю Багратиону, которому и изложил свое горе. Так как он хороший человек, он захотел мне помочь и предложил ехать с ним к генералу Вольфу, начальнику главного штаба и поэтому начальнику и Бриммера. Последний, когда я передал ему свое дело, тотчас пообещал мне, что все будет улажено через несколько дней».

Но бездушная бюрократическая волокита, которая и сегодня доводит нас до белого каления, родилась не на голом месте. У нее давние и глубокие корни: «...Пошел я в главный штаб. Там мне сказали, что генерал Вольф, вероятно, ошибся, так как это дело его не касается. Вновь я отчаивался и вновь отправился к Вольфу, прося его разъяснить это недоразумение. Он сказал мне, что он вовсе не ошибся, и чтобы я подавал сейчас же свое прошение. Однако канцелярия была закрыта, и сегодня я это не успел исполнить, завтра, по случаю нового года, присутствия нет, дело вновь висит в воздухе, и успех далеко не обеспечен. Никогда не думал, что у меня хватит терпения перенести все эти неприят-

ности». Признаемся, дорогие читатели, у нас едва хватило терпения прочесть про все эти «отфутболивания», а каково было ему!

Деньги уже и впрямь кончаются, когда дело все-таки, сдвигается с мертвой точки. В урочище Мухровани, недалеко от Тифлиса, 3 января 1852 года, граф скоропалительно проходит «пушкарскую выучку», сдает экзамен и получает бумагу о том, что «ферверкер 4-го класса Толстой», который, к его счастью, отныне не именуется коллежским регистратором, должен отправиться в свою батарею. В тот же день тетушке отправляется восторженное письмо: «Вы не поверите, какое это доставляет мне удовольствие... Я счастлив, что наконец добился того, о чем старался и чего желал давно, что больше ничто меня не задерживает в Тифлисе...»

Теперь уже ему действительно нечего делать здесь, он получил от этого города все что хотел, впечатления самые теплые, несмотря на то, что чиновники попили кровушку. Но ведь город, его обитатели в этом не виноваты, и им от сердца адресовано: «Да, обязательно приеду к вам в гости и еще раз увижу солнечную Грузию. Возьму и приеду, вот так и сделаю». Почти такие же слова звучат и через 53 года в Ясной Поляне: «Обязательно, обязательно погощу как-нибудь в вашей солнечной Грузии!.. Мака, хочешь, чтобы я погостил у тебя в Тифлисе? А? Да? Тогда сяду на велосипед и – чик, чик, чик – и приеду!» Толстой говорит это маленькой внучке одного из своих грузинских друзей, публициста и критика Ильи Накашидзе.

Снова приехать так и не удалось. Но Тбилиси гордится тем, что артиллерийский унтер-офицер Толстой не просто отправился с его улиц в 4-й батарею 20-й артиллерийской бригады, а стартовал в большую литературу.

Владимир ГОЛОВИН

Фото Александра Сватикова

ХУДОЖНИК ПОКОРЯЕТ ВРЕМЯ

▲ Элгуджа Амашукели. «Музыкальные формы». 1991

Ранней весной нынешнего года мне позвонила вдова Элгуджи Амашукели, поэтесса Лия Стура, и сообщила, что вышел альбом скульптора, к 85-летию со дня его рождения.

С Элгуджей я дружил с юности, хоть он был старше меня на восемь лет, и новость меня очень обрадовала. Вспомнилось многое, что нас связывало, многие события, многие люди, которых тоже уже нет...

Талант и творческие возможности этого яркого и самобытного художника с особой силой проявились в период празднования 1500-летия Тбилиси. Поистине образцом высокого искусства стал барельеф Руставели (1958), вылепленный с редким мастерством. Он установлен на проспекте великого поэта, на здании музея. Вскорости Метехское плато увенчалось шедевром Амашукели – конной скульптурой основателя Тбилиси Ваханга Горгасала. Это блистательный, поистине королевский памятник. Затем последовала величественная скульптура Матери-Грузии, как покровительница взирающая на столицу с высоты Сололакского хребта. Получившая всеобщее признание, она стала эмблемой древнего города.

Классической простотой, строгостью ломаных линий пленяет зрителя исполненный в камне рельеф над входом станции метро Руставели, это поистине украшение Тбилисского метрополитена (1965).

И, конечно, никто не удивился, когда за скульптуру «Мать-Грузия» молодой скульптор наряду с мастерами грузинской культуры Ладо Гудиашвили, Константи́нэ Гамсахурдиа и Ираклием Абашидзе стал первым лауреатом Государственной премии Грузинской ССР Шота Руставели (1965).

Элгуджа Амашукели – один из тех людей, на которых ни слава, ни деньги не действуют отрицательно – они сохраняют присущие им лучшие человеческие качества: отзывчивость, доброту, верность в дружбе. Он всегда оставался самим собой: любил друзей,

бескорыстно помогал всем, кто в этом нуждался, был скромнен и благороден.

Скульптура и живопись, эти две наиболее мощные составные его творческой сущности, с ранних лет прекрасно сочетались со спортом – он любил играть и играл с азартом в футбол, восхищался Михаилом Месхи, звездой грузинского футбола.

Помню давнюю летнюю ночь, когда мы с ним заехали в верийском парке. Беседуя, спустились к теннисному корту и присели там под высокой сосной на большой валун. С футбольной темы мы перешли к искусству. Вдохновенно говорил Элгуджа о своем кумире Микеланджело, о неповторимых шедеврах Верроккьо. Высоко ценил он художников эпохи раннего итальянского Возрождения (в его доме я видел множество альбомов той эпохи). Особенно он выделял Учелло, Пьеро Делла Франческо, Боттичелли (репродукция его «Весны» украшала холл в доме Элгуджи) и других. Он без конца мог говорить об особенностях творчества каждого из них.

Чистоту звездного неба вдруг прочертил реактивный самолет, на хвосте которого горели два малиновых огня. Было очень красиво. Элгуджа вскочил, провозжая взглядом самолет, который вскоре исчез в ночи. Элгуджа обратился ко мне: «Представляешь, если бы Ираклий II увидел как в небе его любимого Тбилиси летают реактивные самолеты! Интересно, что бы он сказал, а?»

Вспоминается мне одна история, связанная с весьма печальным событием – смертью моего отца. Это было лето 1987 года. Для оформления могилы не хватало одной мраморной плиты. Было большой проблемой достать камень того же цвета, я уже отчаялся и поделился своим затруднением с Элгуджей. «Не беспокойся, - сказал он. - Я могу тебе помочь». Он направил меня к начальнику какого-то крупного цеха, и на следующий день мрамор привезли на место.

А скольким молодым талантливым людям помог он найти свой путь в живописи и скульптуре!

Элгуджа обладал тонким чувством юмора. Близкие ему люди хорошо это помнят. Сколько юмористических, шуточных стихотворений писал он по тому или иному случаю. Многие из них помнит один из его друзей, соучастник не одного его успеха, выдающийся архитектор Вахтанг Давитая.

Грузинские писатели никогда не забудут любовь и внимание Элгуджи Амашукели. У него было много друзей, среди них мы, тогда молодые писатели, художники, скульпторы, были люди одного поколения шестидесятников.

Однажды, было это в далеком 1967 году, Элгуджа пригласил нас, Отара Чиладзе, Заура Болквадзе, Джансуга Чарквиани и меня, в Поти на открытие его Монумента Славы. Мы ехали в машине Джансуга. Путешествие было интересным, мы говорили о том, что нас волновало, много шутили. Когда мы проезжали по селам Западной Грузии, Отар принимался считать детей, которые играли во дворах. Когда количество их перевалило за двести, Отар с улыбкой обратился к нам и сказал, что наши дела не так плохи с демографией – население растет.

До открытия монумента – а это прекрасная скульптура женщины с мечом в правой руке, установленная на высоком постаменте, состоялось расширенное

▲ В мастерской скульптора

заседание в потийском горкоме партии. Как рассказывал мне Элгуджа, во время обсуждения проекта на заседании один партийный работник высказал мнение, что памятник не выражает духа эпохи, было бы лучше, чтобы вместо меча скульптор сделал автомат. Элгуджа не мешкая ответил ему: «Следуя вашему совету, вероятно будет лучше рядом поместить и миномет, более мощное и впечатляющее оружие». В зале раздался дружный хохот, и подобных замечаний уже не последовало.

Не буду говорить о других хорошо известных произведениях Элгуджи Амашукели – Мемориале Победы в Гори, «Юноша и барс», «Парнаоз», «Цотнэ Дадияни», «Дэдаэна», «Идиллия» и другие, но хочу отметить столь необходимую для человека искусства способность перевоплощения, которой так щедро одарен был Элгуджа. Это хорошо проявилось в его работе «Хан Аспарух – основатель Болгарского государства».

Элгуджа Амашукели обладал верным чувством красок. О его своеобразной живописи не раз писали. Некоторые его картины напоминают таинственный мир литовского живописца и композитора Чюрлениса.

Мой старший друг любил изображать буковые леса и пасторальные картины, однако и урбанистический пейзаж был не чужд ему.

В разное время я опубликовал две статьи о нем, вторая была типа эссе, и она ему больше нравилась. Он захотел подарить мне свою картину. Вскоре пригласил к себе. Был жаркий день 22 июня 1984 года. На столе мороженое, вино и закуски. Лия хлопотала, угощала нас. Элгуджа пошутил: «Я бог войны Марс, я родился 22 июня, в день, когда фашистская Германия напала на Советский Союз». Мы хорошо провели час-другой, и я собрался уходить. Элгуджа, провожая меня, вручил мне картину в черной деревянной раме. Это были две лошади, стоящие рядом и глядящие в разные стороны, на них падал голубоватый свет луны. Заметив, что картина мне понравилась, он сделал теплую надпись на обороте.

Почерк у него был удивительный. Мало кто еще так передавал красоту грузинских букв, как он.

Каллиграфия Амашукели невольно напомнила мне стихотворение Александра Кушнера «Буквы», в котором он воспевает пять алфавитов – латинский, грузинский, русский, немецкий и еврейский. Александр Кушнер, самый «петербургский» выдающийся русский поэт, сумел разглядеть в очертаниях грузинских букв отсвет трагической истории народа, они представляются «разрубленными мечом», «круглыми осколками», которые бережно собирают грузинские поэты. Он упоминает некоторых из них – Илья Чавчавадзе, Паоло Яшвили, Тициан Табидзе.

На протяжении своей плодотворной творческой деятельности Элгуджа Амашукели работал в книжной

▼ Элгуджа Амашукели и его творение

графике. Одна из самых значительных его работ в этой области – оформление юбилейного пятитомного издания сочинений Важа Пшавела (1961). К лучшим его работам следует отнести и портрет супруги, Лии Стура, выполненный тушью в книге ее избранных стихов.

Элгуджа Амашукели был глубоким знатоком мирового искусства, одновременно внимательно следил за современной скульптурой и живописью, интересовался новыми формами, направлениями. Он безошибочно отличал истинно ценное и значительное, обо всем имел свое мнение, свой взгляд. Он был высокообразованной личностью с изысканным вкусом. Свое кредо художника-творца выразил в книге «Шестое чувство», изданной в Москве в 1981 году.

Был сторонником непрерывных исканий в творчестве, залогом успеха считал постоянный напряженный труд. «Так же как глухонемой чувствует все, что происходит вокруг него, но не может высказать своей мысли, так и талант без мастерства, отшлифованного трудом, не в силах передать полно и убедительно душевное состояние художника», - писал Элгуджа.

В один из последних моих приходив в его доме на Мцхетской улице я встретил почти всю его семью. Дочь Эка, которая пошла по стопам отца и стала талантливой художницей (изданный альбом скульптора украшает и ее «Натюрморт»), пришла с четырехлетней дочкой Эленико. Элгуджа скатал небольшие мячики из бумаги и сказал мне: «Посмотри, что она будет делать», стал по одному бросать их Эленико, а та ножкой подкидывала их вверх и смеялась. «Видишь, - сказал Элгуджа, - мой ген не пропадает, она так же фанатично будет любить футбол!»

Я вспоминаю славный путь, прошедший художником. Из его раннего творчества мне особенно нравились две работы: символическая скульптура осени, задуманная как образ молодого Бахуса (1976) и стоящий одной ногой на коне паяц с раскинутыми руками (1978).

Эленэ сейчас четырнадцатилетняя красивая девочка, воспитанная, начитанная, проявляющая во многом талант и стремление к знаниям. К сожалению, Элгудже мало довелось радоваться любимой внучке.

В день презентации альбома друзья и почитатели таланта выдающегося скульптора и художника – Темо Гоцадзе, Дмитрий Эристави, Вахтанг Давитая, Роин Метревели, Давид Андриадзе и другие с большой теплотой говорили о нем, о его значении в развитии грузинского изобразительного искусства. Интересным было выступление Лии Стура, которая рассказала о многих, порой драматичных эпизодах из его жизни. Например о том, как во время реконструкции Метехского плато остатки дома, где работал скульптор, и первая модель Горгасала были сброшены в Куру и пропали.

Следует отметить, что в альбоме помещены фото известного грузинского фотографа Гии Чхатарашвили.

На обложке – портрет Элгуджи. Взор его устремлен вдаль. Кажется, он смотрит в будущее, словно пытается узнать мнение потомков о себе, человеку и художнике. Элгуджа Амашукели смело мог бы повторить вслед за Галактионом: «Я не боюсь ни прошлого, ни будущего!»

Истинный художник тот, кто покоряет Время.

Эмзар КВИТАИШВИЛИ

Перевод Камиллы-Мариам КОРИНТЭЛИ

▲ У Музея народного творчества

ПУТЬ ПОИСКА И ДОСТИЖЕНИЙ

Этот худощавый, выше среднего роста человек располагал к себе с первого взгляда. Прядь прямых волос непослушно спадала ему на лоб, а сероголубые глаза выражали доброжелательность. Потомственный дворянин Давид Цицишвили родился в 1901 году, закончил гимназию при царе, дальнейшее образование пришлось уже на советский период. Рано проявилась его тяга к искусству, хотя сначала он поступил в Тбилисский политехнический техникум, закончить который помешало тяжелое материальное положение семьи и потеря отца.

Он вынужден был искать работу и нашел отвечающую его влечению и способностям в Кавказском кустарном комитете, куда в 1921 году был приглашен Юрием штатным художником в помощь художнику Юлию Страуме, руководившему художественно-ремесленной мастерской.

Членами Совета Кустпрома были многие выдающиеся деятели грузинской культуры.

Цель его состояла в сохранении и развитии народных ремесел, или как говорили, кустарного искусства.

Образцы художественного кустарного производства издавна привлекали внимание своей самобытностью, чистотой пропорций, неповторяемостью сюжетов. Но к началу XX века многие ремесла стали приходить в упадок и даже полностью исчезать. Виной тому был рост машинного производства, своей дешевизной ударивший по народному искусству. Кустарь-одиночка уступал место стандартному массовому производству товаров. Помощь кустарям, помимо Кустарного Комитета, оказывали в школе-мастерской «Ганатлеба», заложенной в конце XIX века М.Мачабели. Сюда съезжались мастера со всех районов Грузии, особенно из высокогорных – Хевсурети, Пшави, Тушети. Стремясь помочь мастерам, Ю.Страуме, а затем и Д.Цицишвили создавали рисунки, руководствуясь старинными образцами грузинских паласов, ковров, тканей и др. Мастера, работавшие по этим рисункам, вносили в них свою творческую индивидуальность. Давиду Николаевичу принадлежит более 250 эскизов и технических рисунков для тканых изделий.

Работая в Комитете, Цицишвили создавал и свои произведения. Так, по его эскизу был соткан большой ковер «Джунгли», на котором были изображены дикие животные, птицы, диковинные цветы. Особенно интересны львы и леопарды в динамичных позах с напряженно выгнутыми спинами, с раскрытой пастью. Основной сюжет обрамлен с четырех сторон широкой каймой со стилизованным орнаментом. Ковер выделялся своей яркой красочной гаммой цветов. На Парижской всемирной выставке 1925 года ковер «Джунгли» получил Гран-при. Ковер, созданный по эскизу Ю.Страуме, «Мири» на той же выставке был удостоен

золотой медали. Оба ковра выполнены в сложной старинной иранской технике вязки.

Юлий Карлис Оскар Страуме, уроженец Латвии, был приглашен в Тифлис для работы по сохранению и развитию народного искусства, или, как тогда говорили, для оказания помощи кустарям. Он прожил в Грузии долгие годы и действительно сделал много для спасения народного искусства.

Давид Николаевич на всю жизнь сохранил любовь к своему учителю. Когда престарелый Страуме доживал свои дни в нужде и одиночестве, Давид Николаевич писал письма во многие инстанции, в том числе и в Верховный Совет СССР с просьбой о восстановлении ему персональной пенсии. Страуме получил ее только в 90-летнем возрасте.

Любовь к народному искусству Цицишвили пронес через всю жизнь. Он поддерживал связь с тушинскими кустарями, помогал им, устраивал выставки, старался всячески популяризировать искусство народных художников. В 1980 году он организовал выставку алванских ковров и паласов, которая имела большой резонанс в прессе. В 1984 году издательство «Аврора» опубликовало альбом «Кавказские ковры». Автором вступления был Давид Цицишвили. И в последние годы жизни он продолжал работать с народными умельцами, возглавив в Министерстве культуры Грузии отдел охраны кустарного, народного искусства – тканых работ, керамики, резьбы по дереву, камню, по металлу и т.д. Был также консультантом при Доме народного творчества, членом худсовета в Союзе народных мастеров.

Он не мыслил себя вне общения с народными мастерами, без экспедиций, без поиска произведений народных умельцев как старых, так и новых, отдавая много сил и энергии этому делу. Постоянно ездил в

командировки, и находясь на службе в Кустарном Комитете, и в дальнейшем, работая в Музее искусств Грузии, который тогда назывался Музеем «Метехи». В музей он поступил в 1926 году, победив в конкурсе на должность главного художника, и проработал там до 1938 года. Работа была ему по душе, он ездил в командировки, делал зарисовки, принимал участие в археологических экспедициях, графически оформлял для издания музейные сборники статей.

Служба не помешала ему поступить в Академию художеств Грузии на факультет графики. Кафедрой графики руководил профессор Иосиф Шарлемань. Акварельную живопись и перспективу преподавал ему профессор Генрик Гриневский, живопись – Евгений Лансере. Он посещал занятия, которые проводил Давид Какабадзе, рассказывавший о своих научных

▲ Генриетта Юстинская и ее витраж

изысканиях в области цвета, его интересовала также пластика, вел ее профессор Яков Николадзе. Преподавал и Гиго Габашвили. Давиду Цицишвили повезло – он застал целое созвездие выдающихся педагогов и художников.

Генрик Теодорович Гриневский, бывший в то время проректором Академии, обратил внимание на Цицишвили, в своем проекте развития и расширения профиля учебных программ он писал: «Нужно привлечь к работе студента Д.Цицишвили, имеющего опыт и знания в ковроделии».

Конец 20-х годов стал временем перепрофилирования Академии художеств. Это было время московского ВХУТЕМАСа. Вместо Академии художеств Грузии появился Тбилисский художественно-технический институт – ВХУТЕИН. А.Дудучава, ректор Академии, писал: «Наша живопись должна повернуться лицом к нашей развивающейся индустрии». Он был сторонником взаимосвязи искусства и промышленности. Это было общее направление, взятое советской властью. Ставился вопрос о ликвидации основных дисциплин изобразительного искусства. Однако, после долгих рассуждений и заседаний, Совет профессоров вынес решение – оставить архитектуру, живопись, графику, к скульптурному классу добавить керамику, открыть новые – промграфику, плаката, стекла, ковроделия, художественной обработки тканей, оформления массовых праздников. Преобразование требовало увеличения количества часов для теоретических предметов, практических занятий и проведения семинаров. Боль-

▲ Портрет Давида Цицишвили. 1964

▲ Д.Цицишвили, И.Дзуцова, Л.Потапов и Л.Склифосовский

шое внимание уделялось производственной практике, включенной в учебную программу и проводившейся в течение всего учебного года. Безусловно, дальнейшее развитие учебного процесса должно было включить в программу достижения конструктивизма, использовать мировой опыт и современный прогресс и в то же время окрасить это духом национальных традиций.

Таким должен был стать правильный путь развития. Этот путь – творческое кредо Давида Цицишвили.

ВХУТЕИН просуществовал до 1933 года, грузинская общественность требовала восстановления Академии художеств, и она была восстановлена уже как Тбилисская Академия художеств.

В 1931 году Цицишвили закончил графический факультет, а с 1935-го стал там же преподавать. Будучи студентом академии, в 1928 году он принял участие в Международной выставке экслибриса в Лос-Анджелесе. Как график он оформил целый ряд книг, среди которых были такие известные произведения, как «Горе от ума» А.Грибоедова, «Сборник стихов» И.Чавчавадзе, «Полтава» А.Пушкина, «Огонь» А.Барбюса и др. В 1939 году он работал на кафедре керамики, преподавал «Основы композиции» и «Работу в материале». Работая в академии, не терял связи с кустарями, работал в Закавказской мастерской ковроделия, был консультантом в кустарном техникуме и республиканском учебном комбинате народного творчества. Эти организации послужили основой в дальнейшем развитии грузинского промышленно-прикладного искусства. Благодаря проведенной работе и наличию подготовленных кадров, в Сигнахи, Зугдиди, Кутаиси открылись фабрики по изготовлению ковров, посуды, текстиля.

Давид Николаевич был не просто педагогом по керамике, он воспитал плеяду молодых грузинских специалистов, продолживших его дело. В пятидесятые годы он с группой художников-керамистов проводил опыты по воссозданию технологии древнегрузинской черной керамики. К тому времени уже существовало

исследование профессора Закро Майсурадзе о чернолощенной керамике самтавройского типа.

Выступая на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук (Москва, 1964), Цицишвили сказал: «В своих работах художники-керамисты Грузии прежде всего использовали формы и мотивы чернолощенной керамики... В своих работах они не копировали археологические образцы, но стремились сохранить общий характер и внешние художественные особенности керамики этого типа. Многие древние технические приемы позволяют в современных условиях получить неожиданные эффекты. Разумеется, сегодня нет необходимости слепо повторять архаические технические методы в современном развитии керамическом производстве. Однако многие художественно-композиционные приемы древности, да и некоторые технические приемы, переработанные применительно к современной технике, могут быть с успехом повторены и использованы в современном керамическом искусстве. ... Современное декоративное искусство – это искусство простых форм. Основным художественным критерием оценки произведений декоративного, в том числе и керамического искусства служит соразмерность пропорций, красота и энергичность линии контура, своеобразие фактуры поверхности, строгость и гармоничность расцветки. ... Если форма и пропорции художественного произведения не совершенны, то никакой орнамент не может сделать его художественно полноценным».

Грузинская керамика, особенно чернолощенная, вызвала большой интерес на выставках за рубежом – в 1959 году на выставке керамики в Остенде, в 1961 году в Москве, в 1962 году на международной выставке керамики в Праге, во многих городах мира. Работы получали золотые и серебряные медали, дипломы и другие награды.

Еще в 20-е годы, работая главным художником в Музее искусств, Давид Николаевич подолгу изучал древние грузинские эмали – национальное достояние

грузинского народа. Эти шедевры были созданы в X-XI веках в технике перегородчатой эмали, секрет изготовления ее не дошел до наших дней. Цицишвили увлекся идеей заново создать ее технологию. После многих опытов (благо, он три года изучал химию в политехническом техникуме), он это смог.

Первые шаги по восстановлению перегородчатой эмали были проведены в Академии художеств и дали положительные результаты. Несколько позднее Д.Цицишвили разработал технологию эмалевой инкрустации, грузинские художники получили возможность создавать высокохудожественные произведения в этом сложном искусстве.

В 1973 году он организовал Международный симпозиум по искусству эмали, при поддержке Союза художников СССР, Союза художников Грузии и Тбилисской академии художеств. Его идея и энтузиазм дали свои результаты – приехали эмалиеры из многих стран, они в мастерских академии в течение десяти дней создавали свои произведения, свои эмали, пользуясь предложенной палитрой цветов. Давид Николаевич сам соз-

дал 52 цвета помогал ему технолог В.Химшиашвили. И это в то время, как в Европе существовало лишь 39 цветов. По окончании работы эмали были экспонированы на выставке в академии художеств, а Цицишвили провел мастер-класс. Резонанс этого симпозиума был большой, сегодня воспитанные им художники-эмальеры продолжают успешно работать.

Цицишвили в семидесятые годы занялся восстановлением синих скатертей – «лурджи супра», теперь это были экспонаты музея, некогда бывшие неотъемлемым атрибутом любого дома в Грузии. На хлопчатобумажной ткани, окрашенной в синий цвет, оригинально смотрелся белый рисунок представлявший условные декоративные изображения рыб, грузинского хлеба, столовых приборов и др. В 1970 году с группой художников Д.Цицишвили организовал объединение «Солани», где постоянно была выставлена грузинская керамика на фоне синих скатертей. Наряду с керамикой они стали популярным сувениром из Грузии.

Значение и роль деятельности Д.Цицишвили в развитии и становлении современного грузинского прикладного и декоративного искусства до сих пор достойно не оценена, - ведь это он в критический момент, когда в 1959 году ставился вопрос о закрытии и расформировании Тбилисской академии художеств, пришел к ректору академии с предложением спасти академию, расширив ее за счет создания факультета декоративно-прикладных искусств. Ценой невероятных усилий ректору Аполлону Кутателадзе удалось отстоять существование Тбилисской академии художеств. В результате советская партийная верхушка дала добро и средства для постройки нового высотного корпуса, в котором разместились отделения моделирования одежды, художественной обработки тканей, керамики, стекла, изделий из кожи, художественной обработки металла, дерева, проектирования транспортных средств. Давид Николаевич стал во главе декоративно-прикладного факультета, со свойственным ему энтузиазмом взялся за организацию преподавательской работы, в этом ему помогла целая плеяда молодых художников, воспитанных и обученных им в стенах Академии.

Трудно себе представить человека более популярного в художественной среде города Тбилиси XX века, чем Давид Николаевич. Его мнение было весомо не только в области декоративного искусства, но и в других областях изобразительного искусства Грузии. Профессор, член многих комиссий и худсоветов, оставался человеком скромным, не стремившимся к командным постам, к административной работе.

Я закончила отделение живописи Тбилисской академии художеств. Посетив в Москве выставку чешского стекла с огромными витражами, это было в начале 60-х, почувствовала непреодолимое желание создать витраж – настоящий, классический, не иммитацию, а из сваренного цветного стекла. Вскоре я отправилась в Ленинград по делам, там зашла в Мухинское училище, чтобы посмотреть студенческие работы. В училище меня приняли любезно и даже дали возможность сде-

▲ Ковер «Джунгли» в экспозиции Музея народного творчества

▲ Грузинская керамика на фоне синей скатерти

лать два маленьких витража, объяснив технологию резки и пайки стекла, т.е. классического. Второй представлял собой декоративный рисунок из разноцветного стекла, зажатого между двух толстых стекол.

Но как сделать настоящий витраж, как создать рабочий эскиз, чтобы затем увеличить и, прежде всего, сам эскиз для двухметрового витража? Малый размер не будет смотреться, в данном случае на выставке в Голубой галерее. Мой замысел – витраж-триптих, тема – грузинский танец «Картули». Я была молодым дипломированным художником с желанием найти какие-то свои пути в этой новой для Грузии области искусства. И я пришла к Давиду Николаевичу и рассказала о своих проблемах. Неожиданно для себя я обрела

педагога, о каком могла только мечтать. Он сказал: «Приходите вечером, у меня только по вечерам есть немного времени».

Я положила на стол эскиз. Посмотрев, он сказал: «Надо работать». Конечно, работать было сложно, высота предполагаемой работы должна быть 2 метра. Три вертикальные композиции, раскрывали замысел – слева были расположены танцующие женщины, справа – танцующие мужчины, в центре – музыканты, играющие на национальных инструментах. «В витраже, - сказал он, - важную часть составляет графика линий – это свинцовые перегородки, которые держат стекла. Не бойтесь переплетов, они могут создать красивый рисунок».

«Вспомните описание витражей в «Соборе Парижской Богоматери» Виктора Гюго, как изменяется цвет стекол в течение дня и ночи, - говорил он, - витраж работает на две стороны – днем изнутри, а ночью снаружи, он читается светящейся картиной в темном пространстве». Иногда Цицишвили иллюстрировал свой рассказ показом книг по истории стекла, рассказывал о варке цветного или кварцевого стекла. Видимо, сам с удовольствием погружался в рассказ о витражах. Это было увлекательно, интересно. Я уже не помню, как долго продолжались эти уроки, два месяца или три, а может больше, но они запомнились на всю жизнь. Давид Николаевич никогда ничего не исправлял своей рукой, он только объяснял, он доводил ученика до понимания, осознания им самим стоящей перед ним проблемы и решения.

Когда эскиз триптиха был закончен и найдено цветное решение, встал вопрос о его реализации в материале. Даже в этом Давид Цицишвили был сведущ, он подсказал адреса заводов России, Белоруссии, Украины. Я выбрала «Дядьково» в поселке Старь Брянской области, куда я поехала за стеклом, изучив там процесс производства стекла.

Давид Николаевич предупредил, что скорее всего придется менять гамму цветов, исходя из наличия цветов и реальной возможности их изготовления. Так и было.

Наконец после больших трудностей витраж был закончен и выставлен в Голубой галерее. И потом я не раз приходила к учителю за советом. Мы говорили о

▲ Интерьер Тбилисской Академии художеств

витражах и современном искусстве. «Мир изменился, - говорил он, - ушел в прошлое прежний размеренный ритм, теперь мы живем в эпоху техногенного ускорения, в эпоху машинизма и больших скоростей, и все это воздействует на мировоззрение, на психику, человек лишается той статичной среды, которая окружала его в прошлом, изменилось пространство. Если прежде художник жил в мире стабильном, то теперь он живет в мире, изменяющемся, динамичном. Художник, живший прежде эмоциями, теперь создает свою философию и место эмоций занимает мышление».

В дальнейшем, работая над эскизами и выполнением монументальных панно для архитектурных объектов, я вспоминала уроки Давида Цицишвили. 24 года преподавала композицию в Тбилисской Академии художеств на отделении монументально-декоративной живописи и всегда с благодарностью вспоминала моего учителя.

Его лекции были уникальны. Как он сам говорил, ни одна его лекция не повторялась дважды, каждый урок был построен иначе.

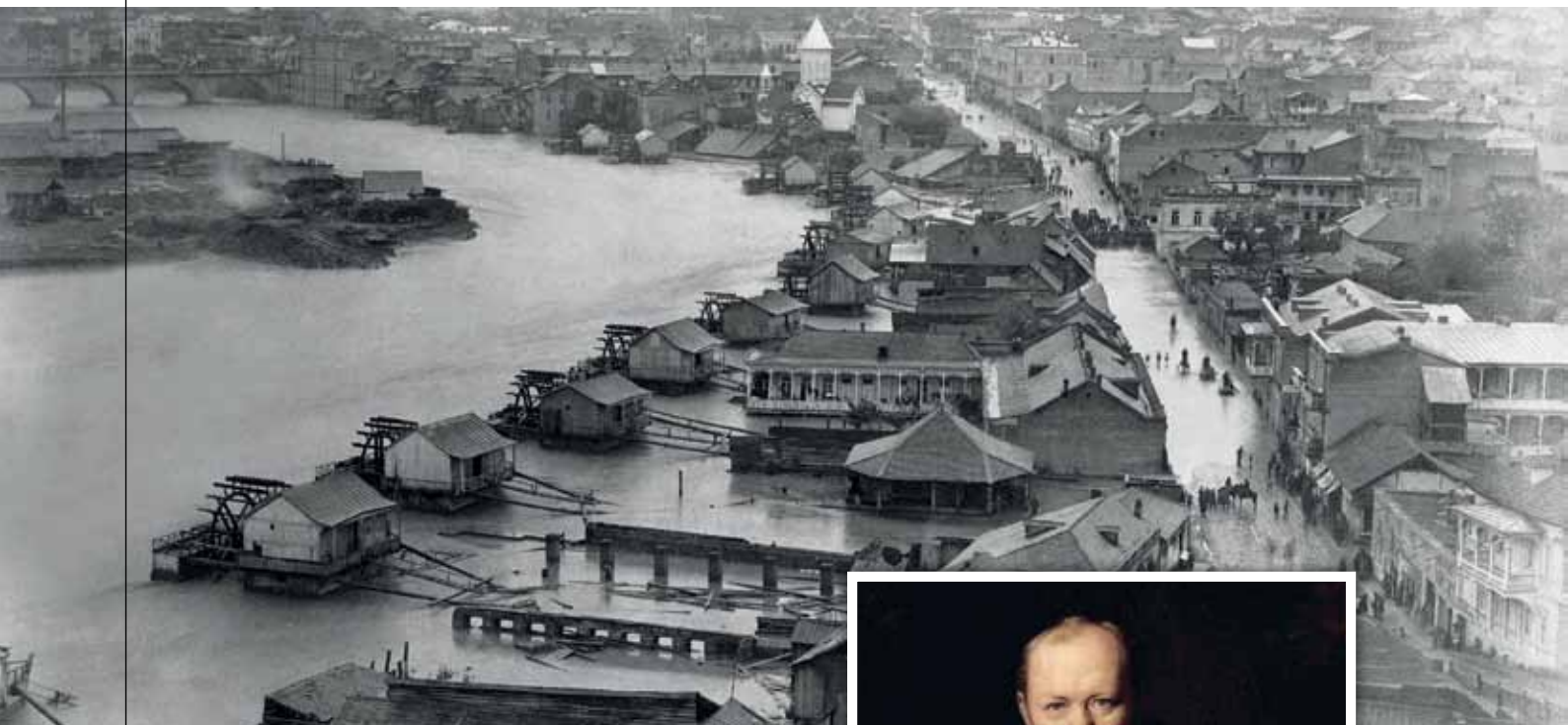
Он был популярен. Его имя было известно и за пределами Грузии – в России, в Прибалтике, но особенно в Чехословакии. Здесь у него были прочные творческие связи, возникшие еще в 60-е годы. Его приглашали на конференции, симпозиумы, на открытия значимых выставок. Он даже научился немного говорить по-чешски.

За свою долгую педагогическую деятельность он воспитал не одно поколение художников, мастеров декоративно-прикладного искусства, таких же как он энтузиастов.

Он не раз говорил, что мог бы направить свои силы, энергию на достижение личных творческих успехов, но тогда не осталось бы времени и места для обучения молодого поколения, для студентов. Лишь в 1970 году, когда ректор Академии художеств Аполлон Кутателадзе обратился к нему с просьбой, он ее выполнил – создал эскизы для росписи стен и потолка вестибюля в здании Тбилисской Академии художеств, которые и сегодня его украшают.

В последние месяцы жизни он был полон новых идей, разрабатывал новые проекты, готовился к симпозиуму, когда мгновенно оборвалась его жизнь.

Генриетта ЮСТИНСКАЯ

ИСПОЛНЕНИЕ БЫЛО БЛИСТАТЕЛЬНЫМ

Александр Островский посетил грузинскую столицу в октябре 1863 года. Первый прием, устроенный прославленному драматургу театральной общественностью Тифлиса, состоялся в театре Григора Арцруни, писателя и публициста, основателя газеты «Мшак», где в то время выступала грузинская драматическая труппа. Этому событию еще за две недели предшествовала реклама в газете «Кавказ». Вот она: «Мы слышали, что грузинская драматическая труппа имеет намерение дать комедию А.Н. Островского «Доходное место» и пригласить на спектакль гостящего у нас автора этой комедии». Под рубрикой «Хроника» подробно излагалась церемония предстоящей встречи с писателем, которая состоялась 20 октября. «Желание видеть и почтить знаменитого драматурга было так сильно, что обширные галереи театра Арцруни едва вмещали зрителей, которым не посчастливилось взять билеты», - сообщала газета через два дня после встречи с Островским. Зная через прессу о программе вечера, зрители собрались задолго до назначенного времени. Их ждала иллюминированная лестница, над ней возвышался транспортант, где написанные на грузинском инициалы Александра Николаевича соседствовали с русским обращением: «Маститому драматургу привет, 20 октября 1863 года». О прибытии виновника торжества возвестили сазандари, а вход писателя в ложу, увитую живыми цветами и гирляндами, сопровождался звуками грузинского марша в исполнении оркестра, судя по всему, духового под управлением Декор Шенка и гимном сазандаров. Поднявшийся занавес обнаружил полный состав труппы, облаченной в живописные национальные костюмы. Во фраках выступали только двое, которым предстояло произнести вступительное

▲ Александр Островский

слово – драматург Авксентий Цагарели и уполномоченный труппы Васо Абашидзе. Приведем текст, с которым артист обратился к почетному гостю: «Дорогой наш учитель! Юное товарищество грузинской драматической труппы с восторгом приветствует незабвенный день посещения грузинского театра творцом русской национальной драмы. Знакомя нашу публику с вашими бессмертными творениями, мы постоянно сознавали, что она рукоплещет не нам, не нашей игре, а великому драматургу, сумевшему освятить и оживить свои творения вечной общечеловеческой идеей гуманности и правды, одинаково дорогой всем народам. Пионеры искусства на Востоке, мы убедились и доказали воочию, что чисто русские народные создания могут шевелить сердце и действовать на ум не только одной русской публики, что знаменитое имя ваше столь же любимо среди грузин, что и у вас, в сердце России. Мы между двумя народами, имеющих столько общих традиций и стремлений, бесконечно счастливы, что на нашу скромную долю выпала высокая честь послужить одним из звеньев взаимной любви и симпатий».

Литературовед Г.Талиашвили предполагает, что автор этого адреса Николай Яковлевич Николадзе, публицист, сотрудник «Современника», «Колокола», «Отечественных записок», в день приезда Островского был в числе тех, кто встречал писателя. За адресом

последовало написанное на грузинском языке стихотворение Цагарели с пожеланием, чтобы перо прославленного гостя процветало многие годы. Оркестр и хор вступили с последними словами, в театре раздалось громкое протяжное «мравалжамиер», и «до сих пор сдержанные рукоплескания и крики «браво» разразились с необычным энтузиазмом»

Художественная часть вечера прошла под знаком комического жанра – второй акт из «Доходного места» Островского, одноактный водевиль Г.Сундукяна «Человек предполагает, а бог располагает», первый акт из комедии А.Цагарели «Иные нынче времена». Главных персонажей пьесы Островского представляли В.Абашидзе (Юсов. «...хотя эта роль была не для него, - замечает рецензент, - он за нее взялся вследствие отсутствия Кипиани»), Мако Сафарова-Абашидзе (Полина), Нато Габуния-Цагарели (Фелисата Герасимовна). «Нет сомнения, что замечательная комедия Островского находила на своем веку лучших исполнителей, но главные роли были сыграны весьма и весьма удовлетворительно» - говорится в рецензии, где отмечается «в особенности хорошее» выступление Абашидзе и прекрасное исполнение обеих женских ролей. «Очень интересное представление, - записал в своем дневнике Островский. - Режиссер труппы прочел приветственный адрес, очень тепло и умно написанный».

Чествование гостя продолжалось в антракте. Приняв венок, текст адреса и приветственного стихотворения

Авксентия Цагарели, Александр Николаевич отправился за кулисы поблагодарить участников спектакля. «Я и прежде слышал, что у грузин есть хорошая труппа, а сегодня сам убедился, что вы хорошо играете. Мое удивление тем более велико, что вы так прекрасно разыграли пьесу, составленную не из ваших нравов. От всей души вам благодарен за честь и хорошую игру». После исполнения второй пьесы ее автор Габриэл Сундукян был представлен Островскому. Заметим, что в оригинале его водевиль называется – «Ночное чихание – к добру». Переименование в назидательное «Человек предполагает, а бог располагает», на мой взгляд, аллюзия к названию комедии Островского «Не так живи, как хочется», что в данной ситуации воспринимается как очередное приветствие ее автору. Завершающим этапом вечера стали лезгинка и чеченский танец. В газете сообщается, что мероприятие почтил своим присутствием министр государственных имуществ, им, судя по всему, был брат писателя Михаил Островский.

Беседа в антракте с артистами, Островский посоветовал создать постоянную труппу, чтобы окончательно выйти из полупопулярного состояния. И позже,

встретившись в гостинице «Лондон» с главноначальствующим на Кавказе «очень приветливым» князем А.М. Дондуковым-Корсаковым (в «Дневниках» этот князь неизменно фигурирует как «Дундуков»; уж не в память ли об отце, вице-президенте Академии наук, «герое» жестокой эпиграммы Пушкина, где он выведен как «князь Дундук?»), писатель указал на необходимость правительственной материальной поддержки грузинского театра, однако, это пожелание не имело последствий.

Еще один отклик на события знаменательного вечера фельетон, помещенный в газете «Кавказ» за подписью «Невольный юморист». «На этот раз, - пишет автор, - всегда пустая зала грузинского театра была битком набита публикой, и публика эта была против обыкновения оживленной, восприимчивой и страстной». Доказательством отношения грузинской публики к выдающимся представителям русской литературы, - сообщает автор, - стал гром аплодисментов, которым присутствующие ответили на прочитанный Островскому адрес. Обратим внимание на характеристику одного из авторов представленных Островскому комедий – Габриэла Сундукяна. Статья свидетельствует о том, как активно, порой бесцеремонно, вмешивалась газетная критика в вопросы творчества. «К сожалению ... г.Сундукян в последнее время совсем перестал писать и предпочитает усердно посещать заседания думы. Относясь с полным уважением к таланту г.Сундукяна, я не могу не пожелать, чтобы на будущее время он как можно чаще дарил ... сцену новыми пьесами и как можно реже посещал заседания думы». Заметим, что драматург, удивительно способный и всесторонне образованный человек, принимавший участие в государственных делах – от архитектурных проектов до конструкции механизма городских часов – умел дорожить и званием действительного статского советника и неотъемлемого от него обращения «ваше превосходительство».

Еще одна постановка комедии Островского в присутствии автора состоялась 26 октября в основанном Исаем Егоровичем Питоевым «Кружке», который спустя три года был преобразован в Артистическое общество, один из очагов тифлисской театральной культуры. Судя по газете, по роскоши этот прием уступал театру Арцруни, но его привлекательной стороной стал демократизм, который придали ему устроители: в последовавшем за представлением ужине могли принять участие все, кто был в зале.

На этот раз шла комедия «Не в свои сани не садись». Роли исполняли Акинфьева, Брусилова и Тер-Степанов, Бакулин, Карнович и Пекано. Как пишет газета «Кавказ», Фрейман и Опочинин, обычно не играющие народно-бытовых ролей, на этот раз приняли на себя маленькие характерные роли. Автор сообщения донес до наших дней слова, которыми отозвался Островский, посмотрев «с видимым удовольствием» спектакль: «Я вижу перед собой не любителей, а опытных актеров, серьезно вдумавшихся в свои роли». Банкет прошел в танцевальной зале. Гостю был приготовлен особый стол, где его окружали старшины клуба и члены «кружковской драматической труппы». Первый тост произнес старшина и член труппы П.А. Опочинин; за ним В.Гордиевский, который предложил почтить творца реальной школы в русской драматургии. В ответ на это Островский произнес: «Я от всей души благодарю за искреннее сочувствие ... но вы преувеличиваете мои заслуги. На высокой горе над Тифлисом красуется великая могила великого Грибоедова, а также высоко над нами парит его гений. Не мы, писатели новейшего времени, а он внес живую струю жизненной правды в русскую драматическую литературу». Заключительное слово произнес Г.Сундукян; после этого в исполнении всех присутствующих прозвучало «Мравалжамиер».

Впечатление о спектакле в доме Исая Питоева отразилось в «Дневнике» Островского: «Вечером был в театрально-драматическом кружке. Дом в персидском вкусе, богатая отделка. Давали «Не в свои сани не садись». Игра любительская. Были более, чем удовлетворительны».

Из бывших на приеме в театре «Кружка» хочу выделить Петра Алексеевича Опочинина. Присяжный поверенный, журналист, поэт, артист-любитель, он сыграл замечательную роль в культуре Тифлиса. Не могу не вспомнить его выступление на вечере проводов Чайковского, тот бурный восторг, который вызвала посвященная виновнику торжества поэма, красочно воспевавшая мир его оперных героев; или упорное отстаивание позиций Исая Питоева в прессе, когда вокруг имени мецената разыгрался искусственно спровоцированный скандал; его неумное участие в просветительской работе М.М. Ипполитова-Иванова. Укажем также на ценное для художественной культуры Тифлиса мероприятие – организованные питоевским «Кружком» скорбные дни пятидесятилетия со дня гибели Грибоедова (1879), проведение

▲ Васо Абашидзе

которого взяли на себя Исая Питоев, Петр Опочинин и князь Давид Эристов (Эристави). Очевидец этого события утверждал, что «ни один русский город не чествовал память великого писателя с такой пышностью, как именно Тифлис, обладатель драгоценной его могилы».

Еще учась в Санкт-Петербургском университете, Петр Алексеевич всячески способствовал распространению в кругах тифлисской интеллигенции, в особенности среди молодежи, произведений Островского. Во время летних каникул с его подачи стали культивироваться домашние чтения, и, как писал впоследствии его друг, член прославленной актерской семьи Михаил Станиславович Маркс, многие из участников этих чтений в дальнейшем стали профессиональными деятелями сцены.

Однако такие чтения в скором времени перестали удовлетворять Опочинина, и он загорелся намерением придать увлечению драматическими сочинениями открытый характер, отдавая их на «публичный суд». Так увидел свет рампы первый спектакль «Не в свои сани не садись» на сюжет Островского, поставленный в Летнем театре в саду Муштаид. Приведу имена исполнителей главных ролей, из которых в дальнейшем возник костяк

«Кружка» Исая Питоева, будущего Тифлисского Артистического общества (ТАРТО). Это Г.Тер-Степанов – купец Русаков, вокруг дочери которого разворачивается сюжетная интрига. Спустя 12 года артист повторил эту роль перед автором пьесы на вышеописанном представлении «Кружка». Бородинка, его будущего зятя, представлял П.Опочинин, а содержателя гостиницы Маломальского – М.Маркс. Поставленный 18 июня 1871 года спектакль, по словам Маркса, прошел более, чем удачно.

Позже, в переписке с Опочининым, который еще продолжал занятия в Санкт-Петербургском университете, Михаил Маркс просит, чтобы он, приезжая на каникулы, захватил с собой несколько новых пьес из репертуара Петербургских театров. «Новых пьес много, - отвечает Петр Алексеевич. В числе комедий, заслуживающих внимание, это напечатанные в «Отечественных записках» «очень хорошая пьеса «Не все коту масленица» с «прекрасной ролью» для Ольги Станиславовны (жены Исая Питоева. - М.К.) и «Лес».

В Тифлисе завязалось знакомство Островского с Ипполитовым-Ивановым, направленным сюда для основания филиала Императорского Русского музыкального общества. Данные маститым писателем советы оказались бесценными для начинающего оперного композитора. В дальнейшем их общение продолжалось через переписку, из которой Островский узнавал о судьбе своих спектаклей в грузинской столице. Весной 1884 года на русской сцене в Тбилиси состоялась три премьеры. В Казенном театре прошли «Последняя жертва» (27 апреля) и «Бешеные деньги» (13 мая); а вечером 20 апреля сразу в двух театрах – Казенном и питоевском – последняя комедия Островского «Без вины виноватые, о чем Ипполитов-Иванов незамедлительно сообщил автору. В сохранившихся номерах газеты «Кавказ» (№№ 91 и 92) под рубрикой «Театр и музыка» помещены рецензии на оба спектакля, проникнутые «боевыми качествами» театральной критики того времени.

Игра артистов представлена как любительская, неровная и негладкая. Считая, что спектакль вынес на себе фуфур, рецензент сетует на его неопытность, результатами которой стали заикания и запинания.

Возникает подозрение, что рецензия написана небеспристрастно.

В том же номере газеты содержится заявление о решительном расхождении с критиком спектакля во взглядах на новую комедию Островского. «То же случилось в русской журналистике; мнения разделились на два противоположных лагеря». Редакция обещает, что в следующем номере будет разбор игры актеров на сцене Казенного театра, где «исполнение было блистательным, публика несколько не скучала» и театр, как всегда, был «почти полон». В письме сообщается также о выступлении прессы в защиту убедивших публику исполнителей спектакля и его автора: «к счастью, внизу рецензии была заметка от редакции, а на другой день подробная рецензия, из которой все узнали, что г. редактор (князь Эристов. - М.К.), присутствовавший в театре, вынес совсем другое впечатление, чем его почтенный рецензент».

Последнее сообщение об Островском в прессе относится к 29 октября. За день до этого писатель покинул Тифлис, предварительно пожелав осмотреть работы по строительству оперного театра, с которыми его познакомил академик О.Я. Симонсон. «Александр Николаевич, - говорится в заметке, - остался доволен размером и расположением театра; единственное замечание ... глубина сцены не вполне достаточна и что вышину занавеси не мешало бы несколько увеличить. Прощаясь с г.Симонсоном, Островский пожелал ему счастливого и скорого окончания постройки этого прекрасного сооружения».

Мария КИРАКОСОВА

АЛЕКСАНДР ГАЛИЧ

(1918 – 1977)
К 95-летию со дня рождения

ПСАЛОМ

Я вышел на поиски Бога.
В предгорьях уже рассвело.
А нужно мне было немного –
Две пригоршни глины всего.

И с гор я спустился в долину,
Развел над рекою костер,
И красную вязкую глину
В ладонях размял и растер.

Что знал я в ту пору о Боге
На тихой заре бытия?
Я вылепил руки и ноги,
И голову вылепил я.

И полон предчувствием смутным
Мечтал я, при свете огня,
Что будет Он добрым и мудрым,
Что Он пожалеет меня!

Когда ж он померк, этот длинный
День страхов, надежд и скорбей –
Мой бог, сотворенный из глины,
Сказал мне: - Иди и убей!..

И канули годы. И снова –
Все так же, но только грубей,
Мой бог, сотворенный из слова,
Твердил мне: - Иди и убей!

И шел я дорогою праха,
Мне в платье впивался репей,
И бог, сотворенный из страха,
Шептал мне: - Иди и убей!

Но вновь я печально и строго
С утра выхожу за порог –
На поски доброго Бога
И – ах, да поможет мне Бог!

ЗАКЛИНАНИЕ ДОБРА И ЗЛА

Здесь в окне, по утрам, просыпается свет,
Здесь мне, все, как слепому, на ощупь знакомо...
Уезжаю из дома! Уезжаю из дома!
Уезжаю из дома, которого нет.

Это дом и не дом.
Это дым без огня.
Это пыльный мираж или Фата-Моргана.
Здесь Добро в сапогах, рукояткой нагана
В дверь стучало мою, надзирая меня.

А со мной кочевало беспечное Зло.
Отражало вторженья любые попытки,
И кофейник с кастрюлькой на газовой плитке
Не дурили и знали свое ремесло.

Все смешалось – Добро, Равнодушие, Зло.
Пел сверчок деревенский в московской квартире.
Целый год благодати в безрадостном мире –
Кто из смертных не скажет, что мне повезло?!

И пою, что хочу, и кричу, что хочу,
И хожу в благодати, как нищий в обновке.
Пусть движенья мои в этом платье неловки –
Я себе его сам выбирал по плечу!

Но Добро, как известно, на то и Добро,
Чтоб уметь притвориться – и добрым, и смелым,
И назначить, при случае, – черное – белым,
И веселую ртуть превращать в серебро.

Все причастно Добру.
Все подвластно Добру.
Только с этим Добрынею взятки не гладки.
И готов я бежать от него без оглядки
И забиться, зарыться в любую нору!..

Первым сдался кофейник: Его разнесло,
Заливая конфорки и воздух поганя...
И Добро прокричало, гремя сапогами,
Что во всем виновато беспечное Зло!

Представитель Добра к нам пришел поутру,
В милицейской (почудилось мне!) плащ-палатке...
От такого, попробуй – сбегу без оглядки,
От такого, поди-ка, заройся в нору!

И сказал Представитель, почтительно-строг,
Что дела выездные решают в ОВИРе,
Но что Зло не прописано в нашей квартире,
И что сутки на сборы – достаточный срок!

Что ж, прощай, мое Зло! Мое доброе Зло!
Ярым воском закапаны строчки в псалтыри.
Целый год благодати в безрадостном мире –
Кто из смертных не скажет, что мне повезло!

Что ж, прощай и – прости!

Набухает зерно.
Корабельщики ладят смоленые доски.
И страницы псалтыри – в слезах, а не в воске,
И прощальное в кружках гуляет вино!

Я растил эту ниву две тысячи лет –
Не пора ль поспешить к своему урожаю?!
Не грусти! Я всего лишь навек уезжаю
От Добра и из дома –
Которого нет!

ОКТАБРЬ УЖ НАСТУПИЛ

Октябрь то плачет, то смеется.

Русская пословица

Тбилиси утопает в листопадном дожде, хотя деревья еще стоят зеленокромные, а золотом они покроются ближе к ноябрю.

Кто-то может сказать, что на двор зашла настоящая болдинская осень, ставшая добрым синонимом плодородия не только в творчестве.

В старых месяцесловах октябрь – позимник, листопад, грязник, свадебник...

На Арину осеннюю 1 октября плоды шиповника созревают... Не зря ее зовут и Ариной-шиповницей. Арина «журавлиным летом» ведает, она «открывает» журавлиный путь, отсюда ее прозвище *Плакунья журавлиная*. В этот день всматривались в небо, не летят ли журавли, связывали, что отлет журавлей до Покрова – на раннюю холодную зиму.

Говорят, что октябрь *холодными слезами плачет*.

Если хочешь сохранить молодость – ешь мед, писал Авиценна. 2 октября отмечают день Зосимы и Трофима. Убирают ульи в омшаник. *Улья в погреб ставь, праздник меда правь*.

Помимо Зосимы «заступником» пчел считается и св.Савватий-пчельник (10 октября). Потому говорят: в «пчелиную девятину» - период с 2 по 10 октября – угощались и угощали гостей медом или медовыми пряниками. *Милосердный Спас всяку душу спасает, Зосима-Савватий пчелу бережет*. И еще: *Пчелы – Божьи угодницы, и на Зосиму-Савватия свой молебен поют*.

На Трофимовых вечерках проходил смотр невест, а невесты себе женихов подбирали. Даже считалось, что на Трофима избранника или избранницу можно приворожить одним взглядом и тем самым запасть в душу.

На Трофима не проходит счастье мимо: куда Трофим,

туда и оно за ним.

Священномученика Фоку Ветроградяра и пророка Иону почитают 5 октября.

Фока – покровитель двух полярных стихий – огня и воды. В деревнях его считают защитником от пожаров и приспешником утопающих.

В этот день не едят блюда из рыбы и даже ее не ловят и не покупают в память о том, что в течение трех дней и ночей Иона пребывал в чреве кита и возносил молитвы к Господу Богу, после чего кит извергнул его на землю.

В осеннее ненастье семь погод на дворе: веет, сеет, крутит, мутит, рвет, сверху льет и снизу метет.

8 октября на Сергия рубят капусту. Это день поминовения преподобного Сергия Радонежского, основателя Троице-Сергиевой лавры. В народной традиции – это день Сергея-капустника. Принято было всей деревней или селом рубить капусту – это называлось *капустной толокой* (общее дело). А в городах с 19 столетия берет начало традиция *капустников*. Обычно импровизированные театральные выступления завершались угощением – пирогами с капустой.

Интересно, что в начале 20 века в Петербурге славились «Варламовские капустники», проводившиеся в доме заслуженного артиста Императорских театров Константина Варламова. В Московском Художественном Театре веселые вечера проводились с 1902 по 1908 годы трижды.

День апостола Иоанна Богослова, одного из любимых учеников Христа, отмечают 9 октября. В году дважды поминают этого святого: весной – Ивана-пшеничника, осенью – Богослова.

Существует предание о том, как святой Иоанн просто-

го пастушка превратил в искусного иконописца. С тех пор Иоанн Богослов признанный покровитель иконописного дела. Следуя древним обычаям к иконе всегда было особо трепетное отношение – ее нельзя было выбрасывать, по правилам надо было спустить по воде – отпустить. Не принято было без необходимости лишней раз к ней прикасаться, даже детям. Если случался пожар, неправильно было говорить, что образа «сгорели», а употребляли фразы – иконы «выбыли» или же «вознеслись».

На Покров до обеда осень, а после обеда – зимушка-зима. 14 октября Русская Православная Церковь отмечает Покров Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии. Есть примета, что каков Покров – такова и зима. Покров считается первым по праву праздником осени. Название связано с природной приметой – на Покрова-батюшку земля покрывается первым инеем. А еще не зря этот день Свадебником зовется – это пора считалась благодатной для заключения счастливых браков. Накануне праздника через решето обмывали водой детей, это должно было предохранить зимой от простуды. Существует народный обычай в этот день задабривать домашних духов – домовых, чтобы зимой охраняли тепло. Принято хорошенечко протопливать избы, а также печь блины и по углам разносить – угощать своего домового. Называется этот обряд – *запекание углов*. Пожалуй, нам, городским, стоит перенять эту добрую традицию. Кто знает, очень может быть, что

и в наших квартирах живет свой домовенок Кузя.

Помните, как в одноименном мультфильме: *Дом без хозяина – сирота. И хозяин без дома тоже сирота. Дома и стены помогают.*

По легенде от Покрова до Казанской (4 ноября) Мать Божья в сопровождении святых угодников спускается на землю, ходит-присматривает, весь ли урожай убран. *Покров – зазимки, Казанская – перво-зимье.*

Во многих областях России начинались Покровские ярмарки. Отсюда идет выражение: *Подожди до Покрова, весь долг выплачу.*

Покрову дню посвящены многие народные пословицы: *Не покрыв Покров, не покроет и Рождество; Покров – конец хороводам, начало посиделкам; знатный день Покров меняет курс с осени на зиму.*

Принято считать, что с 17 октября зима в шубку наряжается. *На Ерофея холода сильнее.*

Неслучайно в день Ерофея раздавался деревьево треск. Лешие с Покрова и Ерофея сквозь землю проваливаются – зимовать отправляются. Перед уходом любят они и деревья в лесу попереломать, зверушек лесных в норы загнать, народ поугать.

28 октября – Параскева Пятница, грязниха, порошиха. Покровительница девушек и замужних женщин, а также их работ с пряжей. У восточных славян пятничный день связан с культом Мокоши (Макоши), которая ассоциируется с ткачеством и прядением, а также с судьбой. Можно проследить много ниточек, ведущих к богиням судьбы – древнегреческим Мойрам и древнеримским Паркам. После принятия христианства образ Мокоши слился со святой Параскевой, получившей имя Пятницы. Грехом считалось пряхать в пятничные вечера, так как ее имя связывалось с Великой Пятницей Страстной недели.

А Грязнихой ее прозвали за то, что придет и землю снежком припорошит.

31 октября отмечают день еще одного заступника иконописцев, а также врачей – евангелиста Луки.

По преданию Владимирская (Вишгородская) Икона Божией Матери была написана святым Лукой на липовой доске от стола, за которым сидели Иисус с Марией и Иосифом. В народе бытует притча о том, как одна женщина решила съездить на ярмарку купить икону Временной Пятницы. Приехала, прямиком идет в иконную лавку. А хозяин ей вместо Параскевы показывает Егоря Храброго (одно из имен св.Георгия Победоносца). Покупательница удивилась, как же так, мол? Что же, святая-то на коне? На что был дан ответ: «Экая ты, баба, дура! Оттого она и называется Временною, что иной раз пешком ходит, а временем на коне ездит». Так и осталась в русском языке присказка: *Воля иконника Пятницу на коне, а Егорья пешим писать.*

С последнего октябряского дня настает время пугины, когда наступает сезон рыбной ловли. Рыбаки при лучинном огне ловят рыбу, наверное, потому и пошло выражение: *Лука – рыбу лучит, нас жить учит.*

И никуда нам не уйти от Бориса Пастернака, от прирученных им, им же очеловеченных, одушевленных природных явлений:

*Октябрь серебристо-ореховый.
Блеск заморозков оловянный.
Осенние сумерки Чехова,
Чайковского и Левитана.
(«Зима приближается»)*

Алена ДЕНЯГА

ДЫР БУЛЬЩЫЛ Л НА ПОРОГЕ

Электрического звонка у нас тогда не было, был механический, вроде трамвайного, с приветливым призывом: «Прошу повернуть!» И вот, услышав это дребезжанье, мы бежали открывать дверь. На пороге – сосед, знаменитый футурист, он бочком протискивается в дверь, снимает подобие пальто, знаменитую помятую шляпу и вместо «Здравствуй» какое-то бульканье – не «дыр бул щыл», конечно, но похоже – «брр-буль-буль»... Его рот полон чаем, он набирал его перед выходом на улицу, дабы горло не застудить (горло! как у тенора и соловья, он его берег!), и не глотал всю дорогу, благо недалеко, он жил рядом, на Мясницкой (тогда улица Кирова). «Мама дома?» (Ольга Ивинская – *Ред.*) И также бочком, зажав под мышкой знаменитый портфель с сокровищами, пробирается в мамину комнатку. Принес столь давно просимое ею издание «Бесов» с запрещенной главой «У Тихона». Происходит обмен (или оплата? не знаю), и оба они появляются в столовой – пить чай.

Алексей Елисеевич Крученых. Мы звали его Круч, Кручка, Кручик, он часто забегал к нам «на огонек». В конце сороковых годов его познакомил с мамой Борис Леонидович Пастернак, и они вместе ходили на выступления БЛ (тогда редкие); помню их восторженные рассказы о читке перевода «Антония и Клеопатры» труппе актеров в театре ЦТКА, о вечере в Политехническом, потом на Потоповском это горячо обсуждалось.

Забегал «на огонек»... Но однажды этот «огонек» вспыхнул довольно опасно. Конец октября 1949 года. Я возвращаюсь из школы, уже вечер, я училась во вторую смену. В комнатах горит верхний свет, на вешалке – голубые околышки, шинели, тянет непривычным

папиросным дымом, пахнет валерианкой... Идет обыск, маму уже увезли, «понятой» дворник сопит на стуле, испуганные домочадцы жмутся по стенкам, а на красном диванчике, в уголке, встрепанный, все время что-то бормочущий Крученых, наш Кручик. У присутствующих требуют удостоверения личности, документы, «бумаги». У Крученых при себе документов не оказывается. Глотая слова, торопясь, он объясняет, что он поэт, футурист, член ССП, друг Маяковского, вот, только что вышла книга «Крылатые слова», там есть его крылатое выражение «заумь». Он нервно роется в легендарном обтрепанном портфеле, вытаскивает книгу, тычет в абзац. Он страшно волнуется, кипит, ибо, несмотря на внешнюю богемность, был невероятным педантом, свято соблюдал режим дня, а ведь уже 11 вечера! Он должен в это время принимать снотворное, он привык спать в собственной постели, он просто сосед, никакой антисоветской деятельностью никогда не занимался! Чекисты не интересуются крылатыми словами, грубо осаживают его, и он, в конце концов, ровно в 11, набирает в рот воды (соловьиное горло!) и устраивается на крохотном диванчике. В протоколе обыска (называется «рапорт») зафиксировано: «В квартиру пришли и были задержаны следующие лица: 1. Крученых А.Е., писатель...» Еще четыре человека, родственники и друзья. «Перечисленные лица допрошены и отпущены в 4.00 утра». Уж не знаю, каково ему спалось на узком продавленном ложе. После этой ночи о нем не было ни слуху ни духу. За четыре года мамино заключение я позабыла о нашем соседе – осторожный футурист не хотел рисковать, посещая наш зачумленный дом. Но вот мама вернулась

– оттепель, надежды, возрождение забытых имен... И в пятидесятые годы Круч стал почти завсегдаем Потаповского, уютным привычным гостем (пусть даже после его ухода мама и пересчитывала свои любимые поэтические сборники: не захватил ли что-нибудь мимоходом Зудесник?). Вознесенский в своих непонятно недобрых воспоминаниях пишет, что приход в гости Крученых «считался дурной приметой», что это был «упырь земли», «плесень времени», «оборотень»... Неправда, я, в ту пору школьница, его приходу всегда радовалась!

В знаменитом портфеле приносил маме заказанные книги – ведь этим жил! Вот и «Бесов» с запрещенной главой «У Тихона» - достал! Оставался ужинать. Ужин его был своеобразен: насадив на вилку «калорийную» булку, долго обжаривал ее над газом, так сказать дезинфицировал, потом вприпрыжку возвращался к чайному столу, протирая чашку своим платком, крошил эту булку в чай – и держал все это месиво во рту до ухода, да иногда и до дома своего доходил с булкой во рту, особенно в холодную пору. Был страшно мнителен. Азартно играл в карты. Играли они с мамой вдвоем, на деньги, в пятьсот одно, ставки были пустяковые, и хозяйка, и гость, вечно сидели на бобах. А меня однажды взял на ипподром, где он почему-то делал ставки за Асеева, как он объяснял, «лауреату Сталинской премии самому играть на бегах не к лицу». Мне дал рубль, чтобы я поставила не глядя, и моя лошадь выиграла! Его же – нет, и он раздраженно разорвал свой билетик на мелкие клочки.

Иногда, до ритуальной булки, пускался в воспоминания. Рассказывал о своих будетлянских триумфах. «И вот я беру стакан чая и выплескиваю в лицо партеру». Бабушка, со старомодными понятиями о поэтах, онемела.

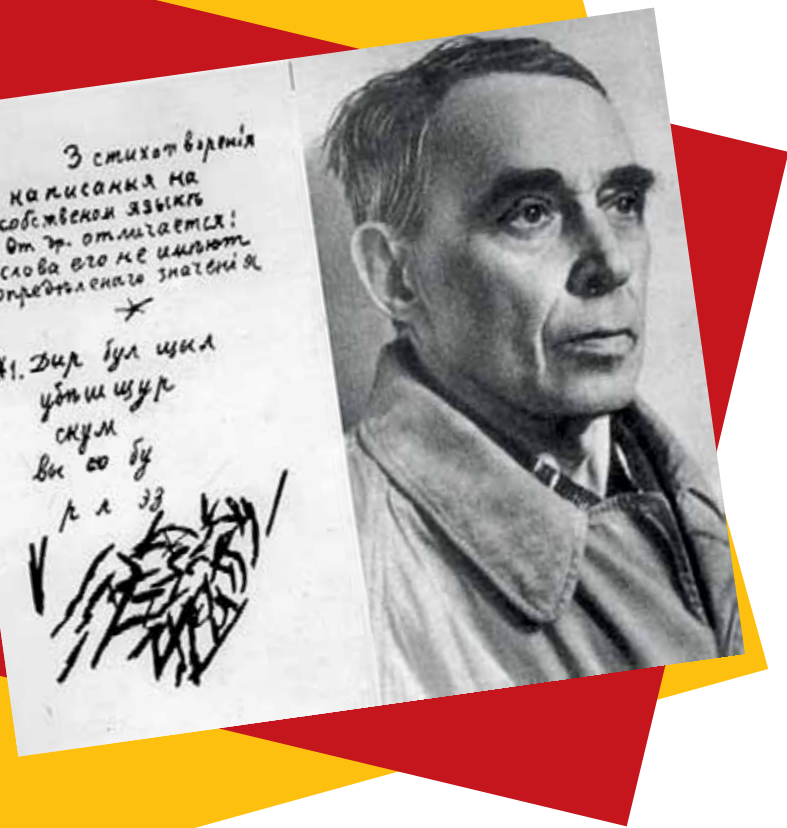
Но скольким я ему обязана в своем литературном образовании! Умел заинтересовать, озадачить. Бывало, подкрадется бочком к столу, где я корпела над тетрадками: «Дитенок! (он так меня называл) А как там у Пушкина: чем меньше женщину мы любим, тем...?» Я, уныло: «Тем больше нравимся...» «Как же, стал бы Пушкин писать «меньше-больше»! ЛЕГЧЕ! Старики не говорили банальностей! А Ленский? Как написано о мертвом? «Недвижим он лежал и... был томный мир его чела». СТРАНЕН! То-то». Зная, что в доме у нас культ Достоевского, приставал с расспросами: «Назови име-

на сестер Епанчиных! Александра, Аделаида, Аглия! Гром барабанов, победный марш! И рядом – Настасья Филипповна. С начала романа ясно, что ее убьют, Анастасия – вечерняя жертва. И главный – Лев Николаевич Мышкин. Уже в этом трагедия. Читатель ждет, когда же лев съест мышку».

Когда я вышла замуж и Вадим поселился на Потаповском, Круч, гораздо реже, но забегал: «В чем разница между ритмом и метром? Как написана «Страшная месть»? Ритмом или метром?» Это уже к Вадиму, поэту.

«Даже роста он был дрянного», - пишет Вознесенский. (Не совсем понимаю, почему Андрей в своем тексте так ошельмовал старика. Насколько помню, в разговорах мы с ним всегда вспоминали Крученых по-доброму). И не был он «Плюшкиным в лохмотьях». Сейчас, прожив много лет в Париже, я могу даже утверждать, что он был человеком стиля, мог бы быть консультантом в доме высокой моды. Да, одежда на нем была старая, потрепанная, с чужого плеча, но всегда чистая (он сам кипятил свои рубашки на кухне в кастрюле), элегантно помятая. Была полная законченность образа – это ведь и есть стиль. Ни одной детали нельзя было заменить, стиль разрушался: ни серой шляпы, ни стоптанных ботинок со шнурками, ни бурой вязаной жилетки, ни, разумеется, портфеля – потертый, без ручки, ни шарфа, хранителя горла, голоса. Думаю, о такой «потертости» мечтал бы ни один нуворист в Париже! И роста был «не дрянного» - среднего, худощавый, легкий, глаза по-молодому синели из-под ресниц, длинных, до старости пушистых. (Какой-то воспоминатель написал, что у Крученыха были черные цыганские глаза! Да это просто дальтоник какой-то!) Талантливый художник, он был наблюдателен, зорок в оценке женской красоты, иногда и ядовит. О маме, красавице, но любившей яркий макияж: «Вот Люся. Разрисует как клоун и – молодец! Обнажение приема. А Манюся (мамина подруга, полька) - все подкрашено, подпудрено, подведено... Обман». Подростком я страдала, стыдилась своей худобы и угловатости. Он как-то мне объяснил: «Видела египетскую живопись? Египетских мальчиков? Опрокинутый треугольник, прямые плечи. Это ты. А есть треугольник на основании, силуэт маркизы. Это Зоя». (Моя подруга, за которой он ухаживал.)

Не раз, поссорившись с домашними, я ходила к

нему ночевать. Ссоры были пустяковые, но кто в 15 лет не уходил из родительского дома в ночь, оглушительно хлопнув дверью? Подруги мои жили тесно, в коммуналках, некоторые даже спали на полу, «в очередь», а у Кручика была все-таки своя комната, жил рядом, и соседи, надо сказать, его любили, угощали пирогами (а он потом – меня), почтительно подзывали к телефону, либо оберегали: «Он не может подойти, принимает ванну». О комнате его уже столько написано и в стихах (Маяковский: «Комната – глава в кручениховском аде», скорее «ад в комнате»), и в прозе, что незачем повторяться. Спотыкаюсь о сковородки, почему-то стоящие у двери на полу. И ночью и днем горит тусклая лампочка, обернутая газетой, дневной свет не допускается (вредно для книг!), окно завешено желтоватой тряпкой, контуром напоминающей кальсоны. Он стелил мне на книгах, под голову тоже клался какой-нибудь том. Сам он спал у стены, не то топчан, не то солдатская койка; по-моему, простыней не менял, а просто клал сверху очередную смену, получался тряпичный слоеный пирог. Показывал нижний «пласт»: «Вот на этой еще Хлебников ночевал». Утром, тщательно умывшись и побрившись, звал к завтраку: «Дитенок, я тебе приготовлю какао». Споласкивал марганцовкой стакан (страшно боялся микробов!), толок в стакане концентрат (какао с молоком), приносил из кухни обжаренную «калорийку», мы завтракали. Нельзя сказать, чтобы комфортно, ибо на этом большом столе с трудом можно было найти несколько свободных сантиметров – все в пузырьках, жестянках, пакетах, странной посуде. «А кто из этой тарелки ел?» – я, показывая на почерневший осколок. «Думаешь, Блок? Нет, в последний раз – Солнцева». Ходила легенда, что у него в молодости был бурный роман с красавицей актрисой Солнцевой («Аэлитой»), якобы расстроившийся из-за того, что она хотела убрать у него на столе. Он этого не опровергал, даже иногда игриво намекал.

Б.Л. Пастернак с горькой иронией писал о молодости Кручныха: «Я превращаюсь в старика, / а ты год от году все краше». Да, с годами эта молодость тускнела, редели волосы, выцветали глаза, но походка была все та же, вприпрыжку, также по-петушину звонко звучал голос. Даже на старости лет, как Гете, влюбился в мою школьную подругу, славную, добрую девочку. Она была вечная второгодница, жила трудно, в

огромной семье, училась плохо, но была большая фантазерка и очень любила читать. Мы обе, надо сказать, с радостью убегали из своих перегруженных страстями и жильцами квартир и сидели у него на книгах, он был нам сродни, неустроенный подросток. Кроме того, он водил нас в кафе – настоящий выход в свет для восьмиклассниц! Кафе – громко сказано, это была «стоячка» около школы-студии МХАТ, там он всегда брал для нас одно и то же: кофе с молоком в стаканах и блинчики с мясом. Этот его «роман» вызвал бурю негодования среди знакомых, ведь дело чуть до брака не дошло! Но брак не состоялся. В письме-«отказе» (оно потеряно), помню, он написал ей: «Дитенок, я слишком известен в литературных кругах»...

Даже у нас, молокососов, он брал автографы: а вдруг что-нибудь со временем из нас выйдет? На мое вялое стихоплетство отозвался сурово: все у тебя прилизано, складненько, грамотно. А вот у Зои (моя подруга) – ошибка на ошибке – как она в школе-то учится? Но в ее бессвязных обрывках есть что-то талантливое». Тут его глазу можно верить. Ведь он первый собрал (еще в 1914 году) и издал уникальную книгу, над которой столько слез восхищения пролил когда-то Вадик: «Собственные рассказы и рисунки детей», с соблюдением детской орфоэпической орфографии – как слышится, так и пишется! Чудо свежести и словотворчества. Наверное, и у Зои он нашел что-то подобное.

Но вспоминается и неприятное. Как-то была у нас в гостях моя любимая Ариадна Сергеевна, Аля Эфрон, сидела с вязаньем на диванчике, забежал Круч с очередной добычей. Она отбросила вязанье, решительно встала: «Нет, с этим господином я здороваться не буду!» и ушла в другую комнату. Он что-то забормотал, потоптался и быстро убежал. А ведь ее мать Марина Ивановна Цветаева написала когда-то (18 июня 1941 года) Кручу на их общей фотографии: «Спасибо за первое впечатление красоты здесь» - о посещении Кускова вместе с Либединской и Муром. Почему же Аля так отнеслась к нему? Выплыла какая-нибудь история с продажей цветавских автографов? Или что-нибудь похуже? Мы с мамой растерялись. Было неловко.

Через сорок лет после его смерти я зашла во двор того дома, где он жил, где я сживала на книгах. Улица, ставшая снова Мясницкой, знаменитое «Чаеуправление» в стиле китайского домика, тот же облупленный лев у входа в бывшее общежитие ВХУТЕМАСа, темная арка, ведущая во двор дома, где в квартире 51 на пятом этаже он жил до конца своих дней... Я никогда не бывала у него летом, двор не узнала, угадала лишь скамеечку, на которой он летом сидел и читал, пока еще мог спускаться. И показалось, что сейчас он выскочит из темной подворотни, как призрак Акакия Акакиевича «у Кукушкина моста» в своем обтрепанном пальто, вытасит из знаменитого портфеля какую-нибудь книжную редкость, забормочет, переливая во рту дыр бул шыл...

Как бы мне хотелось, чтобы ему поставили памятник! Прямо здесь, у выхода из этой мясницкой трубы-подворотни, такие, как ставят кое-где в Париже, Будапеште, Торонто, в городах, где хранят память о людях-легендах прошлого. В обычный человеческий рост, из темной бронзы, без постамента, прямо на тротуаре: он выскакивает на улицу, стоит, повернувшись бочком, одно плечо вздернуто вверх, в вечной шляпе, обмотанный шарфом, портфель под мышкой, надувает щеки (там чай!), острые кустики бровей топорщатся... И московские библиофилы могли бы около него назначать свидания. Он вообще был очень скульптурен, подарок ваятелю. Увы, на нынешней вульгарной и шумной улице, среди мерседесов и банков, под сенью чудовищного Лукойла, нет ему места. Только в нашей благодарной памяти.

Ирина ЕМЕЛЬЯНОВА
Париж

▲ На концерте памяти Мананы Андриадзе

В МИРЕ ДУХОВНОЙ МУЗЫКИ

Я не была знакома с Мананой Андриадзе. Но много о ней слышала. И весть о смерти этой женщины меня огорчила. Так бывает, когда теряешь знакомого, дорогого человека. Ее же я видела всего однажды. В Тбилисской консерватории, когда по инициативе «Русского клуба» студенты играли «Евгения Онегина» в честь юбилея Чайковского. Спектакль почтил своим присутствием Католикос-Патриарх всея Грузии Илия II. Тогда Манана, высокая, стройная темноволосая женщина – олицетворение интеллигентности и такта – встретила Святейшего в холле. Кто мог подумать, что спустя несколько лет Патриарх придет отвеать ее в Квашветскую церковь Святого Георгия.

Манана Андриадзе всю свою научную деятельность посвятила изучению церковного песнопения. По-грузински «галоба». И это тоже говорит о ней многое. Непросто было браться за такую сферу – неведомую, архаичную. Богослужбное пение – форма совместной молитвы участвующих в богослужении, и в отличие от светского искусства, его задача не воздействовать на эмоции, а помочь человеку присоединить свой голос к общему голосу Церкви.

Святой Василий Великий писал: «Если прекрасно море во время прибоя, то не гораздо ли прекраснее собрание такой церкви, в которой, подобно волне, уда-

ряющей о берег, совокупный глас мужей и жен и детей возносится к Богу в наших к Нему молитвах?»

И именно в этом море духовной музыки Манана Андриадзе вела свой корабль под названием «Галоба».

Вот тема ее кандидатской диссертации – «Эволюция скерцо в сонатно-симфоническом цикле и его преломление в грузинской советской музыке», которую Манана защитила в 1983 году. Представьте себе, сколько мужества нужно было иметь, чтобы заниматься церковной тематикой в стране, исповедовавшей научный атеизм.

Манана Андриадзе была доктором искусствоведения, профессором кафедры теории музыки Тбилисской государственной консерватории им. В.Сараджишвили, деканом музыковедческо-композиторского факультета, проректором по учебной части, автором десятков научных трудов по теории, истории и палеографии грузинской музыки, организатором множества научных

▲ Гиви и Манана Андриадзе

▲ В кругу семьи

конференций, посвященных традиционному грузинскому песнопению и его жанровым классификациям. Была членом правления Союза композиторов и музыковедов Грузии, действительным членом Академии педагогических наук Грузии, консультантом Центра духовного пения патриархии Грузии.

Она первой научно доказала существование невмической системы в гимнографических памятниках XVIII-XIX веков. Грузинские нотные знаки очень самобытны и весьма оригинальны по своему рисунку. Важная особенность: невмы – графические знаки – пишутся поверх строки поэтического текста церковного песнопения, а некоторые под строкой, что не встречается в других негрузинских гимнографических источниках. Грузинские невмированные рукописи до X века не встречаются, поскольку старая профессиональная духовная музыкальная культура имела устные традиции. Величайшими достижениями грузинской оригинальной гимнографии признаны литургические сборники второй половины X века, венец грузинского церковного песнопения сабацминдской и таокларджетской школ. Сборники XIX века, с точки зрения музыкальных знаков, проявляют генетическую связь с невмической нотацией X-XI веков, доказывая, что грузинскими песнопевцами не были забыты полученные от предков знания.

В 2004 году Манана Андриадзе основала в Тбилисской консерватории студенческий фольклорный ансамбль, а еще ранее направление исследований грузинского церковного песнопения в государственной консерватории. Большинство специалистов в этой области – ее воспитанники.

Стала первой женщиной-музыковедом, получившей степень доктора искусствоведения.

В беседе со мной супруг Мананы, Гиви Андриадзе сказал: «Я и не знал о всех ее званиях, трудах и научных достижениях, она была настолько скромным человеком».

Не прошло и сорока дней после смерти Мананы, как ее друзья и ученики устроили в малом зале Тбилисской консерватории вечер скорби. Все исполнители, выйдя на сцену, кланялись ее фотографии. Никаких аплодисментов. «Мы собрались здесь для нее, - сказала, открывая концерт, соратница Мананы, профессор

и пианистка Манана Доиджашвили, - чтобы по звукам музыки ее душе легче было найти дорогу в рай».

И тогда я поняла – у нее получилось самое сложное – быть Человеком. Ведь когда нет ни одного человека, который не улыбнется при упоминании твоего имени, неважно знакомый он или нет, это дорогого стоит.

Манана Андриадзе родилась 12 мая 1951 года в Тбилиси. Отец – Гизо Федорович Долидзе – председатель Госкомитета Совета Министров по науке и технике, мама – Мака Панцхава работала врачом в Институте гематологии. Манана не стала ни врачом, ни госслужащим.

Летом 1975 года в дверь квартиры Мананиной подруги Нуцы Чиракадзе позвонили. Это был внук Тициана Табидзе Гиви Андриадзе, который пришел забрать привезенную ему из Москвы посылку. Ученые установили, что для того, чтобы влюбиться, человеку требуется всего двенадцать сотых секунды. И когда Манана открыла дверь, Гиви больше и не потребовалось. Он влюбился. А Манана уехала учиться в Москву. Гиви летал к ней каждые выходные в течение месяца. Водил в театры и музеи, возил в Переделкино, на дачу Бориса Пастернака, близкого друга своих дедушки и бабушки – Тициана и Нины Табидзе. А 2 апреля, в день рождения Тициана, сделал предложение. Манана и Гиви поженились на Пасху.

Так породнились семьи Долидзе и Андриадзе. Гиви (Николай) Андриадзе – врач-кардиолог, профессор, доктор медицинских наук, руководитель ООО «Кардио-реанимационный центр», ученик легендарного Евгения Ивановича Чазова.

Спустя год после свадьбы у них родился сын Лексо. Он должен был продолжить династию и стать врачом, ведь его прадед, дед и отец – доктора с именем. Но стал успешным предпринимателем. А потом родилась дочь Мариам, которая пошла по стопам брата.

У любви есть два главных проявления – самоотверженность и благодарность. И оба из них олицетворяла Манана. Блестящий профессионал, многое давший грузинскому музыкальному искусству, грузинской культуре в целом. Но в первую очередь, у нее был редчайший дар – ее любили все, - так вспоминают Манану Андриадзе друзья и коллеги. К годовщине семья готовит книгу воспоминаний о Манане, в которую войдут 50 текстов людей, которым посчастливилось знать ее и работать с ней.

В 2010 году Манане Андриадзе поставили диагноз – боковой амиотрофический склероз. Этот редчайший недуг поражает одного человека из нескольких миллионов. Медленно прогрессирующее неизлечимое заболевание поражает нервные окончания, приводя к полной атрофии мышц. Никто не знает, откуда берется эта болезнь, чем она вызвана и где найти средство против нее. За Манану боролись все – муж, дети, близкие. А она, зная, что умирает, переживала, что не успела поставить на ноги крестницу – тоже Манану, студентку Академии художеств и талантливого фотографа, переживала, что мало видела внуков, что не успела осуществить какие-то проекты в консерватории. Три раза они с Гиви ездили в Китай, где ее по несколько месяцев лечили акупунктурой, массажем, травяным чаем и средствами народной медицины. Последней попыткой стала пересадка стволовых клеток там же, в клинике Пекина. За операцией последовало улучшение, но оно, увы, было недолгим. В феврале этого года Манана скончалась. Во сне.

Нино ЦИТЛАНДЗЕ

ჩხაიძის ჩხავერი

მუხრანის ჩინური

კახური მუსკატი

სვინის ციცქა

ცაბერის ცოლიკაური

პრემიუმ კლასის
იზვიათი ქართული
ღვინის კოლექცია

2012

Special collection of
Premium Quality
Georgian Wine

კახური ტრადიციული მეღვინეობა

www.ktw.ge

1512-2972